



НЕЛЛ УАЙТ-СМИТ

150 МОИХ ТРУПОВ

Нелл Уайт-Смит

150 моих трупов

«Издательские решения»

Уайт-Смит Н.

150 моих трупов / Н. Уайт-Смит — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909520-6

После глобальной катастрофы мир изменился. Он требует нового освоения, и под ядовитыми ветрами пустошей закладываются новые города для разработки недр. В один из них бригада операторов везёт груз из мёртвых тел, чья внутренняя жидкость (ликра) необходима для запуска биологической информационной сети нового города. Работа операторов состоит в том, чтобы поддерживать в мёртвых телах обмен веществ до прибытия в пункт назначения. Но путь оказывается дольше ожидаемого и куда как более сложным.

ISBN 978-5-44-909520-6

© Уайт-Смит Н.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
150 моих трупов	7
Глава 1. Поезд	7
I	7
II	20
Глава 2. Не поезд	34
Глава 3. Поезд	43
I	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

150 моих трупов

Нелл Уайт-Смит

© Нелл Уайт-Смит, 2018

ISBN 978-5-4490-9520-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Дорогие читатели

Эта книга – одно из нескольких произведений, созданных в рамках трансмедийного проекта Silvercast.

Для вашего удобства, в конце издания помещен глоссарий, содержащий краткое описание мира, в котором происходит действие книги, а также определений основных понятий, содержащихся в ней.

Ознакомление с ним до начала чтения не обязательно: если использование глоссария для вас не комфортно и вам приятнее разбираться в мироустройстве по мере чтения, то смею заверить – большинство терминов и понятий будет раскрыто в тексте.

Для большей информации вы можете посетить официальные страницы Silvercast и Нелл Уайт-Смит в сети Интернет (там вы можете задать абсолютно любые вопросы): https://vk.com/silvercast_official <https://vk.com/nellwhitesmith>.

Эта книга – проект продюсера Натальи Тимофеевой

Приятного чтения

150 моих трупов

(танец девушки с рыжими волосами)

*Посвящается моему дорогому Мирику,
который трижды спас эту книгу*

Глава 1. Поезд

I

Умереть – самая большая мечта моей жизни. И, конечно же, я боюсь смерти. Да, эти стремления не лишены противоречия. Но что есть наша душа, как ни чёрная коробка, набитая хламом? Стоит только сунуть в нее руку, и какая-нибудь странность прилипнет сама собой.

Я никогда не предпринимал попыток самоубийства. Не размышлял о чем-то посмертном. У меня нет завещания. Я просто хотел бы умереть. Сегодня или завтра. Сейчас. Всегда. Любым способом. Я не буду извиняться за это.

В мире, как он ни жесток, для всего есть место. Кое-как найти своё удалось и мне. Не слишком тёплое. Без лишнего простора. Но здесь я чувствовал себя спокойно. День ото дня меня ничто не беспокоило. От всех тревог защищали железные стены вагонов. Покачивающийся мерно пол. Поезд рейс за рейсом прокладывал путь сквозь токсичные просторы пустой. Я двигался вместе с ним.

Я сопровождал груз. Сегодня и последние годы.

В настоящий момент мы провели в пути почти шесть дней и теперь приближались к пункту назначения. Состав подмалывал под огромные колёса километры. Один за другим. Одинаковые. Бесконечные. Безмолвные.

Начиналась моя смена. Наступала ночь.

Примерно час назад поднялась пылевая буря. Начавшись ещё в сумерках, она не ослабевала. Стала только жёстче. Спряталась под пологом крошечной тьмы ночи. Песок скрежетал по бокам вагонов. Слово мог порвать их металл. Пропилить насквозь и растворить его ошметки в своей дикой пляске. Песчаный ветер уже кое-где до блеска отполировал угрюмые бока состава. В иных местах вагон вынужденно армирован, чтобы скрыть прорехи.

Страшно посчитать, скольким ночам в пустошах этот поезд уже переломил хребет. Сотням. Или тысячам. Но где-то впереди ждала та единственная, которая сломает хребет ему.

Я почувствовал, как локомотив сбавил ход. Толчок. Это поезд начал снижать скорость. Он становился всё осторожнее с бурей. Должно быть, эта задержка и все подобные ей в итоге выльются в увеличение продолжительности пути. Но время дороги для меня не имело значения. Закончив сопровождать этот груз, я принял бы следующий. Такова суть моего назначения.

Приходило моё время заступать на дежурство. Я вышел из купе для отдыха сопровождающего персонала. Открыл дверь из тамбура в суфле, соединявшее вагоны. Тут качало сильнее. Герметичность оказалась нарушена. Внутри колыбалась мелкая песочная взвесь. Ядовитая. Я задержал дыхание. Прошел сквозь неё. Рукой при этом крепко прижал карман, где хранились перчатки. Шум беснующейся снаружи бури здесь резал уши.

В следующем вагоне буря звучала тише. Воздух пригоден для дыхания. Перед входом в шлюзовую комнату, ведущую в гермохранилище, я достал часы. Посмотрел на них. Любопытствовал с минуту. Слушал внимательно их тиканье, легко отделяя его от другого шума. Нас в этой

жизни двое. От двери в шлюз послышался шорох. Я замер. Быстро убрал механизм. На звук не обернулся специально. Чуть выпрямил спину. Но ко мне никто не подошёл. Никакой опасности. Я ошибся.

Доставать часы снова я не стал. Как следует отряхнулся. Снял куртку общего назначения и сменил на внутреннюю спецовку. У плечей, где ткань соприкасалась с родной механикой моего тела, она уже довольно истрепалась. Время латать.

Я прошёл в шлюзовую комнату. Бросил короткий взгляд на охранника. Тот стоял у двери в гермохранилище. При оружии. Никогда не здоровались: мы и они.

Здесь же сидел Онвар. Возился с перчаткой. Механика его запястий двигалась при этом с сильным напряжением. Я задержал на нём взгляд. Смена не его. Онвар – ещё молодой парень. Довольно смазливый на вид. Наша работа не по нему.

Сейчас он ковырялся с шитьём увлеченно. Восторженность, с которой он работал в настоящий момент (да и большую часть времени), казалась мне наивной. Наполненной лишними действиями. Тем более, что нынешнее его занятие выглядело довольно странно, ведь перед ним не лежало тренировочного материала.

Я заподозрил, что молодой механоид работает сейчас напрямую с гермохранилищем. Внимательно осмотрел дверь. Старая. Рыхлая от ржавчины. На направления нашего класса не давали хороших вагонов. Но нарушение герметичности в любом случае неприемлемо.

Взглядом я не нашел на шербоатой поверхности прорех, которыми мог бы воспользоваться оператор. Визуальному осмотру я не доверял. Одел одну перчатку, и проверил энергетические связи. Несколько шло от сердца локомотива: одна поярче, молодая, две тусклых и ещё фантомная, скорее всего шум. Такое эхо связи – это признак разбалансированности внутренней работы сердца поезда. Состояние локомотива меня не касалось. Мой вопрос – связи для работы с грозом. Они все оказались заперты внутри.

Перчатку снимать я не стал. Набрал код на двери гермохранилища. С первого раза комбинация не сработала. Старик-замок начинал впадать в маразм. Пришлось повторять. Это привлекло внимание охранника. Он скользнул по мне взглядом. Запомнил, что я вводил дважды код. Отметил в уме номер моей спецовки. И отвернулся.

– Она не закончила, – предупредил меня Онвар. Я проигнорировал. Парень повторил громче, выклянчивая этим моё внимание, – она не любит, когда её тревожат.

– Потерпит.

Я вошел. Сразу же посмотрел на Инву. Она сидела на корточках в углу. Кинула руки на бедра. Кисти в перчатках напряжены. Её лицо – тоже. Сосредоточенность чётче очерчивала шрам на щеке ближе к губам и носу. Я перевёл взгляд на её работу. Медленно.

Двое их посереде вагона. Разнополюе.

Увидев мимолётно, я рефлекторно пригляделся, и, почувствовав эту мою внимательность, Инва раскрыла их обоих как железные лепестки механических роз. Мужчина привлёк к себе партнёршу, и тут же отпустил вовне. Широко, открыто, ярко, словно алый шелковый шлейф по ветру, и она единым естественным легким движением вошла во вращение. Взметнулись дерзким пламенем рыжие волосы, обнажая её бледное точёное лицо. Руки раскинулись красивым росчерком от плеч и до самых кончиков тонких, словно сплетённых из лунного серебра, пальцев. Очертились еле заметным плотным узором мускулы, приводнялась на вздохе грудь и нашёл, нашёл звонко, точно, остро мои глаза её холодный и искрений до самых последних пределов, до самой искренней глубины сердца, взгляд. Она отвернулась, продолжая кружиться. Показывая мне тонкую линию шеи и плеч, небрежное изящество обнаженной спины. Динамика её движения сверкала искренностью и вдохновением. Я смотрел на это жадно. Так, как я созерцал бы танец собственной свободы. Какая-то странная горькая честность перед самим собой. Какая-то беспокойная истина в переливчатом цвете её глаз. В истории, кото-

рую рассказывали своим движением летящие по воздуху рыжие кудри. Терпкий горький огонь в каждом движении ресниц. Я смотрел.

Тело женщины закончило оборот, и снова пришло в объятия мужского трупа, тот ловко скинул её на одну руку, она прогнулась, оба замерли, и это стало завершающим движением танца. Я всматривался внимательно, но не нашел шероховатостей в исполнении, и мнения своего об этой импровизации Инве не высказал. Как и замолчал нарушение режима транспортировки.

Она не ждала от меня оценки. Женщина развела тела по полкам, присоединив к остальной части груза. Поднялась в полный рост. Размяла ноги. Инву я всегда знал, как хорошего опытного оператора. Мы имели примерно одинаковую квалификацию. И она тоже находилась на этом дешевом назначении. С плохими вагонами. Дрянными камнями-источниками связей. Значит, что-то вынудило её. О причинах мы никогда не говорили. И не будем говорить. Я подумал о часах. Коснулся их мысленно.

Лучшие доли. Лучшие назначения. Сияющие чистотой новые саркофаги, без трещин, царапин. Мощные камни в них. Многоуровневые гермохранилища с правом полной импровизации. Собственные исследования. Высший уровень конфиденциальности. И высший класс вспомогательного оборудования. Всё это существовало. Одновременно реальное и несбыточное. Нам нельзя туда. Даже подать заявку. Я не один, а вдвоём нас туда не пустят. И я туда не хотел.

Поезд качнуло. Вагон подпрыгнул. В бок, словно кувалдой, ударил мощный порыв ветра. Песок неся, как безумный там, за пределами состава. А поезд аккуратно пробирался сквозь дряхлую ночь. Словно боялся её порвать.

Я надел вторую перчатку. Вступил на дежурство. Положил пальцы на связи, которые тянулись от заключенного в саркофаге камня по гермохранилищу. Мягко скользнул по ним. Почувствовал ритм биения ста шестидесяти двух сердец. Несколько циклов мы держали их вместе с Инвой. Потом женщина отпустила. Села на стол дежурного. Стала набивать табаком трубку.

Я отошел в противоположную часть вагона. Встал там. Время потекло.

Наш груз составляли сто шестьдесят два тела. Мы везли его в возводящийся город Низкий Ветер. Объект далеко отстоял от заселённой части мира. Так далеко, что значительный отрезок пути мы проделаем по рельсам, которые остались ещё с довоенных времён. С прошлого мира.

Груз необходим для инициации производственного цикла и старта ликрообращения в будущем городе. Он стандартен. В него входят тела, в совокупности имеющие все известные ликровые признаки. Набор. Такие заказывали довольно часто. Сейчас много закладывали городов. Много строили.

Ликра – важнейшая физиологическая жидкость для всех механоидов, механизмов и големов. Она способствует поддержанию в нас жизни, передаёт информацию и, до некоторой степени, питает нас. Без ликры, несущейся по венам домов, немыслим город. Её главная особенность – способность к насыщению, то есть к изменению химического состава в зависимости от организма, в котором она находится.

Но эта же чудесная особенность является главным препятствием к её удобной транспортировке. Ликру нельзя слить в некие контейнеры и перевезти там: если контейнер будет неживым организмом, то она распадётся, а если живым – изменится. Единственная отмычка к этому механизму – транспортировка в фактически мёртвых телах, в которых искусственно поддерживается обмен веществ.

Достаточная насыщенность сети города ликрой позволяет ему принимать у себя механоидов и големов. Некоторые из них имеют редкие собственные признаки ликры, к которым соответственно нужны противоположные для того, чтобы чистить ликру. Чистка ликры – это

важнейшая операция в нашей жизни. Без неё мы очень скоро умрём от внутренней интоксикации организма. В этом есть некоторая метафора – мы не можем жить в одиночестве. Нужен ещё кто-то. И не простой. Нужен ещё кто-то, подходящий внутренне именно тебе. Иначе ты умрёшь.

После войны заводы и добычные компании хотели закрепиться на земле. Занять разработки. Новые поля. Ходили слухи, мол, рельеф изменился так сильно, что малахитовые жилы сами выходили на поверхность. Обман. Но всё же по после войны добыча полезных ископаемых стала гораздо более прибыльным делом.

Богатств, которые легко разрабатывать, стало в результате терраформирования больше, чем до войны. Мир снова сотрясся в золотой лихорадке. Угольной лихорадке. Алмазной. Всё больше и больше добывали войры. Каждый, у кого оказалось достаточно средств, мог начать добычной бизнес.

Население мира ещё не достигло довоенной отметки. Даже близко. Но однажды всё вернётся и тогда на месте нынешних тощих разработок вырастут великие города. Время экспансии завершится и тот, кто успеет занять разработки, получит будущее в свои руки.

И потому каждое крупное предприятие смотрело вглубь пустошей. Туда тянуло свои железные руки. Возводило собственные города. И требовало для них наборы трупов.

Мы возили. Всё дальше. Всё больше суток в пути. Больше времени вне города. Больше спокойствия. Нам двоим нельзя слишком долго оставаться на виду. Тихое тиканье в кармане. Нежное. Мы вместе. Это – преступление. Центр знал о моей квалификации. Знал, что я могу требовать лучших назначений. Ему это не нужно. Именно поэтому я никогда не смогу сделать законной свою связь. Меня держали на моём месте. И Инву тоже держали. Мне не известно, как.

Но, бесспорно, причина у Инвы серьёзная. Ещё сложнее моей. Она останется с грузом в пункте назначения. Будет жить в тысячах километров от ближайшего живого города. С градостроителями. В бесконечных песчаных бурях. Даже без межей. Останется вплоть до запуска производства мяса. На три года. При невезении – на пять лет или даже семь лет. Это её выбор. Желание. Значит, её причина стоит того. Я хотел ей счастья.

Моя напарница раскурила трубку. Так прошло некоторое время. Затем она ушла. Я остался дежурить. Время продолжало течь сквозь и мимо меня. Буря усилилась. Я начал физическую профилактику пролежней. Поднимал одно за другим тела. Совершал необходимые физические упражнения. Это можно делать разным образом и в разном порядке. Большинство операторов предпочитало поднимать по десятку. Быстрее разделяться с рутиной и через три часа повторять снова. Я отработывал строго по одному и заканчивал ровно к концу смены, постоянно занимаясь при этом оперированием. Это стало настолько привычно, что я уже не замечал, что делал.

Когда я закончил пятнадцать, вошел Онвар. Подождал, пока положу очередного. Глаза беспокойные. Подошел ближе. Выждал. Потом решился:

– Эй, я хотел спросить, ты хочешь секса? Я замечал в прошлых двух рейсах – у тебя никого нет. Если ты хочешь, то это здорово – мне нужна тренировка в этой части мускулатуры.

– Я не гомосексуалист.

– Нет, ты не понял, я говорил о женском теле!

Наше ремесло для Онвара не основное. Парень выучился делу наспех. Хотел использовать навык в какой-то другой профессии. Он понимал не всё. Поэтому я объяснил:

– Тело женское – мозг мужской. Твой.

– Но ведь... – он осёкся. Взгляд потух, – ладно, я, кажется, понял тебя. Да... я, кажется, понял. Прости. Не сердись.

Он принялся думать. Должно быть, о том, где бы получить нужную практику. Инве он не предложит. Я помог:

– Сайхмар – гомосексуалист.

Онвар посмотрел на меня с радостью. Она свернулась во взгляде быстро. У парня судорожно дёрнулся кадык. Мышцы гортани напряглись. По этим движениям легко заметно, что он действительно понял мои слова. Его чуть не вырвало от одной мысли о сексе с другим мужчиной. Но ему нужна практика. Значит, он должен её получить. Его дело.

Парень снова решил заговорить со мной. Вероятно, он захотел отвлечься.

– А можно мне сделать пару тел? Присмотришь?

Я отдал знак согласия.

Радостный, Онвар зашёл за стол. Сел. Затем надел перчатки. Натянул на них сетку. Это – специальная клетчатая ткань. Нужна для того, чтобы следить за передвижением пальцев. Смотреть на руки нужно через линованное стекло в столешнице. Это облегчает выполнение многих стандартных положений. Помогает разучивать новое. Сложное. Но не даёт следить при этом за телом. Поэтому – долго. Нужно часто поднимать глаза. Есть разновидности столов, в которых смотровое стекло расположено вертикально. В них этой проблемы нет. Моя школа таких не одобряла. Считалось, что необходимость поднимать глаза тренирует мышечную память.

Онвар начал. По незнанию взял рыжую, которой танцевала Инва.

– Ой, как горячо! Риррит, давай проверим её – я боюсь, что, может быть, у нас здесь вирус!

– Нет.

Парень открыл рот. Хотел поспорить. Не стал. Вернулся взглядом к столу. Интуитивно взял второй труп, которым импровизировала Инва. Но отпустил. Взял третий. Не комментировал. Я запомнил это. Онвар – пассивный телепат. Может, третий класс. Может – развивает способность с нуля. Я пригляделся. На щеке дрогнул мускул. Подавил улыбку. Да. Учится. Хорошо.

Я стал следить за его работой. Положил руки на связи для контроля. Онвар плохо чувствовал тусклые связи. Работал только с основной. Часто дергал. Тащил. Агрессивно. Перегружал. Я сбил его на две боковых. Онвар не удержал. Потерялся. Я перехватил тело. Травмировать груз недопустимо. Это не наши материалы. Не Центра. Уже чужие.

Поезд покачнулся. Снова сбавил скорость. И стал набирать. Скрежет стал слишком громким. От сердца поезда по связям прокатилась цветастая эмоциональная волна. Прорвалась через металл гермохранилища. Почему? Настолько сильный энергетический всплеск свидетельствовал о серьёзной патологии камня. Она сильно повлияла на наши внутренние связи. Я скинул Онвара с них, и положил тело. Закрепил. Сосредоточился. Ждал плохого. Я оказался прав.

Возник импульс. Сверхсильное возмущение от камней. Через металл. Через гармонику сердца с которым мы оперировали, мои перчатки и в тела. Я встал в контроль намертво. Предотвратил повреждения. Свёл их к нулю. Не совладал. У тел одновременно открылись глаза. Распахнулись в серую толщ потолка бессмысленные чистые хрусталики. Поезд дёрнуло. Сильно. Потом стало тише. Будто спокойно. Словно буря улеглась. Ложь.

Онвар принялся за другой труп. Не заметил всего произошедшего. Он весь вспотел от перенапряжения ещё при работе с первым. Я отдал ему знак окончания практики. Визуально и на уровне связей. Он не заметил. Пыхтел. Глядел в стекло. Я выкинул его из поля.

– Эй, ты что? – он поднял на меня глаза. Из носа текла кровь, – Риррит, почему ты так смотришь на меня...

Удар. Мощный. Пробрал весь поезд. Волна добралась мгновенно. Я услышал страшный шум. Казалось, я нахожусь в самом его эпицентре. Ощущаю его даже не ушами, не кожей. На мгновение я подумал, что он оглушил мою душу. Я укрепил тела на местах. Растворился в них. Теперь у меня стало сто шестьдесят три сердца, сто шестьдесят три пары глаз, рук и ног. Я прирос своими телами к поверхностям, проверил крепления. Напряг каждый мускул, каждую

клеточку, что только составляло моё тело. Чтобы принять основной удар. Я ждал его вместе с перепуганным сердцем поезда. Понимал, что сейчас доберётся до нас. Очень ясно. Внутри меня вспыхнули два противоречивых чувства: надежда на смерть и страх перед ней. Что будет, если часы останутся одни здесь? Если удастся умереть? Второй удар. Чудовищный, холодный.

В этот момент контроль почти сорвался. Ударная волна прокатилась хлётко, ввергая меня в беспомощность. Нагрузка мгновенно и многократно увеличилась. Я направил все силы, на то, чтобы сохранить сосредоточенность. Стремясь сократить возможные повреждения внутри груза, я вынужденно сбросил часть тел с контроля. Удержался в нескольких. Оценил размер дополнительной нагрузки и создал новую арку баланса. Но вернуться контролем в остальные тела оказалось слишком тяжело. По опыту я определил, что причиной, скорее всего, служит дефект перчатки.левой.

Я сделал вздох. Глубокий, длинный, забирая воздух всеми грудными клетками, что сейчас принадлежали мне, и на выдохе перенёс всю полноту нагрузки на правую руку. Моя собственная личность размылась. Почти перестала существовать. Только где-то далеко в памяти, как в мутной воде, поблескивала мысль – продержаться до возвращения остальных и уходить. Продержаться и отступить назад. В небыль. В странное рыхлое одиночество, которое не похоже на эту яркую сосредоточенность. Чистую, как острый ланцет.

Очень скоро, я чуть ослабил контроль, выделив визуальную составляющую в одном из тел. С момента удара прошло совсем немного времени – может быть, две или три секунды и сейчас катастрофа ещё разворачивалась. Ещё проглатывала нас, отправляя в своё, полное боли и страха, чрево.

Бросило влево. Под действием силы удара вагон накренился. Крен рос всё больше, пока вагон не упал на бок, ныряя в объятия бури, но даже после этого его продолжило тащить. Там, за боками вагона, песок набросился на тело поезда и теперь, желал растворить его в себе, растереть наши кости и плоть в порошок. Развеять прах в неистовом беге над бесплодной землёй. Я почувствовал удар в район виска. Освещение вагона померкло и скоро свет вовсе погас.

Вагон всё тащило по камням пустошей, но скорость падала, паника в сердце локомотива затихала, сменяясь шоком от боли и чувством неискупимой вины. Холодным тихим ужасом. Это случилось. Это случилось наяву. Локомотив допустил ошибку. Ошибка обернулась трагедией. Кто-то погиб.

Мы почувствовали ещё один удар. Совсем мягкий, больше похожий на соприкосновение. Вагон замер. Я отпустил контроль ещё немного. Вернул себе осознание личности. Быстро проверил тела, и убедился, что груз не пострадал. Начал медленно отпускать трупы, оставляя за собой лишь самое необходимое. Привыкал опять к тому, что я состою только из одного комплекта внутренних органов и конечностей. Мой контроль отползал от тел, как уходит восвояси приливная волна.

И вот я остался один. Вокруг бились сто шестьдесят два немного чужих сердца.

С часами всё в порядке, Слава Сотворителю. Не пострадали.

Освещение вернулось. Мигало. Я проверил связи. Герметичность не повреждена. Но мерцание света свидетельствовало о повреждении саркофага. Я осмотрел себя. Левая рука болталась. Пальцы не шевелились, но кости целы. Повредил плечо. Точнее – позже.

Снял с больной руки перчатку. Убрал. Могу справляться одной.

– Я нашел! Нашел! – это кричал Онвар, – я могу подцепить здесь и открыть дверь!

– Не трогай, – приказал я.

– Ты не понимаешь – её заклинило! Мы замурованы! Заперты! Мне одному не справиться – возьми ещё три тела на перчатку – помоги мне! Если хватит веса, то замок сможет сработать! Он должен сработать! Он такой старый, он может закрыться навсегда, Риррит!

Я не проявил в отношении Онвара какой-либо агрессии. Не попытался его оглушить. Управляться с телами одной рукой – неординарная задача. Уделять внимание чему-то ещё – рискованно. Возможно, парень ещё соображал. Вероятно, мои слова могли помочь ему справиться со стрессом. Я попытался снова:

– Если вагон повреждён, то открыв дверь, мы испортим груз. Снаружи – буря.

– Ты не понимаешь – мы заперты! Замурованы! Поезд сошел с рельс! Остальные все умерли! Дверь не открывается! Нас не вытащат! Помоги же мне! Риррит, помоги же! Мне! Мы здесь задохнёмся!

Паника. Жаль. Он мог оказаться полезен. Я улучил мгновение и, между ударами сердец, вырубил его, взяв на перчатку.

Огляделся. Свет всё ещё вёл себя нестабильно. Я тщательно проверил связи. Связи локомотива в шоковом состоянии. Недоступны. Наши собственные – потускнели. Всё больше обнаруживалось признаков повреждения саркофага. Вероятно – камней. Я не мог начать диагностику физического оборудования из-за травмы и нагрузки на сознание, возросшей из-за неё. Пришлось ждать.

Боль в руке мешала. К тому же, судя по всему, я действительно повредил голову. Игнорировать дискомфорт не выходило. Лучше бы купировать болевые ощущения. Но чтобы сделать это, придется снова рисковать. Снимать на время груз с перчатки. Резкое уменьшение нагрузки могло привести к потере сознания. Это недопустимо. Мысленно я пополз внутрь груза, размывая восприятие собственного тела в чужих. Боль стала меньше ощутима. Это произошло от того, что сознание стало воспринимать повреждение как менее значительное. Оно занимало теперь немного места в моих телах. Возникла иллюзия того, что если моё тело умрёт, я всё же не погибну, ведь у меня ещё так много тел. Это – ложь разума. Никто не смог так выжить.

Я уравновесил боль. Достиг комфорта. Стал ждать. Время опять потекло. Как река течёт вокруг камней. Кажется, им все нипочём. И это – пагубная иллюзия. Иллюзия возможности жизни.

– ... живы?

Голос знаком, но к тому моменту, как я стал различать его в достаточной степени, то понял, что уже слишком устал, чтобы ответить.

– Да! Да! – это Онвар. Его бодрствование насторожило меня. Я попытался собраться, чтобы суметь защитить груз при необходимости, – Риррит опасно ранен! Нужно приподнять дверь, тогда откроется! Слышите?

– ... держит груз?!

– Чтобы открыть дверь, её приподнять нужно! Приподнять! Рычагом!

Я снова вернулся контролем в собственное тело. Стало хуже. Очень тяжело дышать. Освещение установилось вялым. Тела закреплены хорошо. Пахнет рвотой. Онвар – бледный. Лужа. В неё капает из вмятины на корпусе. Ликра. Для нашего вагона – опасно много. Инве лучше поторопиться с ремонтом. Возможно, вагон скоро умрёт.

Скрежет. Это открывают дверь. Там тихо – буря смолкла. Безмятежность пустошей терзает. Пространство заполнили жесткие связи от локомотива. Я постарался осторожно положиться на них. Стало чуть легче.

Открыли дверь наши. Одеты в газовые маски. Значит, нарушена целостность локомотива. Инва увидела меня. Отдала знак Сайхмару. Тот перекинул своё тощее сутулое тело в гермохранилище. Ловко и мягко. Спружинили его механические колени, добавлявшие движениям непривычную глазу плавность. Инва кивком велела мне дать отчёт:

– Груз не повреждён. Вагон ранен. Возможны повреждения саркофага.

Сайхмар взял на перчатку груз. Удостоверился, передал Инве подтверждение моих слов. Та знаком велела ему освободить меня от нагрузки. Я приготовился – облокотился на стену

вагона, сжал зубы. Два цикла мы держали вместе, потом я отпустил. Боли не пришла – как только я расслабился, то тут же уснул. Скорее всего, помогла Инва.

Я проспал недолго. Должно быть, с полчаса.

Первым делом проверил часы. На месте. Среди своих спать безопасно. Из нашей бригады никто не станет касаться личных вещей. Или задавать вопросы об увиденном. Но здесь могли находиться и другие механоиды. Расслабляться я позволить себе не мог.

Огляделся. Я всё ещё находился в вагоне. Рука устроена на перевязи, рана на голове обработана. Дежурил Сайхмар. Тела не трогали. Вагону оказали необходимую помощь. Старик остался жив.

Коллега посмотрел на меня и сказал с грустным придыханием:

– Маршрут есть, а судьбы – нет.

– Да, – подтвердил я. Смысл этой фразы я уяснил не вполне. Это часто случалось при общении с Сайхмаром. В таком случае я просто определял его настроение по интонации. Меня тоже угнетало произошедшее.

О моём состоянии никто мне докладывать не собирался. Я сам проверил, что случилось. Вывих плеча. Ушиблена левая часть тела. На голове я просто содрал кожу. Не серьёзно. После получения первой помощи я снова мог работать перчаткой. Я справился о текущем состоянии камней:

– Как саркофаг?

– У Инвы. Приходи, погуди...

– Хорошо, – Сайхмар имел в виду, что я должен явиться для получения указаний.

Общая одежда оказалась достаточно далеко от зоны контролируемого разрушения вагона: та приняла на себя основную силу удара и смялась, сохранив остальное. Неповреждённая куртка болталась в десяти сантиметрах от жестоко искореженного металла. Я сменил одежду на общую. Спецовку оставил внутри гермовагона, чтобы не испачкать её токсичной пылью.

Выбрался наружу. Для этого мне пришлось подпрыгнуть до двери, которая теперь сверху наверху и подтянуться на здоровой руке. Это неординарное упражнение далось мне с бóльшим трудом, чем я ожидал от собственного тела.

Глаза быстро привыкали к темноте пустошей. Ночь лунная. Тусклый фонарик механической луны светил изо всех сил сквозь каменную крошку, закрывающую небосвод.

Приглядевшись, я различил очертания вагонов. Некоторые детали катастрофы. В результате удара все вагоны вплоть до головы локомотива оказались довольно близко друг к другу. Наш вагон оказался единственным оборудованным зоной контролируемого разрушения. В остальных сила удара распределялась вдоль всего вагона равномерно и это убивало их.

Опрокинувшись, агонизирующие металлические исполины боком лежали на каменистой равнине пустошей. Силой ударной волны их развернуло перпендикулярно путям.

Засмотревшись на это, я забыл, что нахожусь вне фильтруемого воздушного пространства. Вредный для всякого живого существа воздух при этом я хватал жадно. Спohватившись, я сразу же одел маску. Уже в ней понял, что здешняя атмосфера имеет некий привкус. И привкус этот мне оказался чем-то необъяснимо приятен.

Я понимал, что так сбить с рельс поезд могло лишь нечто необычайно мощное. Скорее всего, в хвост нашего поезда врезался идущий вслед за ним состав. Именно поэтому я повернул голову в другую сторону лишь после того, как внутренне подготовился к этому. Я медлил не зря.

Следующий за нашим вагон лежал рядом. А два хвостовых – частью на рельсах, а частью... вокруг их. Раздробленные. Смятые локомотивом, протаранившего нас состава, так, будто тот свалился на них сверху. На полном ходу он прошёл два хвостовых вагона насквозь.

Случившееся типично для железнодорожных крушений такого типа. Оно объяснялось скоростью столкновения.

Действуя скорее по инерции, я потянулся перчаткой и слишком ясно почувствовал, во что превратились останки экипажа.

Я понимал, что, коснись я сейчас любой связи от камней, неизбежно почувствую эхо их последней боли. Если только Сайхмар уже не сделал это за меня. Не отпустил в Лабиринт их души.

Вероятнее всего, он поступил именно так. Сделал это прежде всего остального. Даже несмотря на наши обязанности перед грузом. Я знал, что Сайхмар никогда не пренебрежет сыновним долгом. Это – незримая часть его странной близости к паровозам. Связь крепче, чем узы назначения по работе.

Стремясь скорее присоединиться к коллегам, я спустился. Направился к месту, где находился первый с хвоста из выживших вагонов нашего поезда.

Инва и Онвар работали как раз там. Они старались спасти раненные вагоны нашего состава, которым требовалась неотложная помощь. Я не спешил. Как специалист я представлял из себя сейчас не слишком большую ценность.

Когда подошел, сильного истечения ликры не заметил. Всё самое срочное Инва и Онвар уже сделали. Однако почва оказалась тёмной. Влажной. Я обратил внимание, что Онвар старается не наступать туда, куда излилась из раненых ликра. Странно – для него всё ещё казалось диким прикасаться к ней. Вероятнее всего – пугало, как пугает обывателей. Тем не менее для механоида, всё ещё не пережившего период привыкания к мёртвому, Онвар-оператор показывал достаточно хорошие успехи.

Я приблизился к коллегам. Саркофаг, в котором хранились наши рабочие камни, находился у Инвы за плечами в защищённом рюкзаке.

Я недолго ждал, пока на меня обратят внимание. Инва указала мне на повреждённый участок ликровой сети в следующем от разрыва вагоне. Дала инструмент. Я приступил.

Повреждение нашлось в вене ближе к крыше Ликра сочилась, но не сильно. Это, учитывая довольно большой размер повреждения, говорило о падении давления во всём вагоне. О большой потере ликры. В целом эта часть состава осталась едва жива. Я старался работать быстро.

После оказания неотложной помощи следовало поспешить к локомотиву, и, главное, к его сердцу. Я чувствовал, что камни в нём не пострадали. Но сам локомотив находился в плачевном состоянии. Напрягая связи, он постоянно запрашивал у нас информацию о состоянии пассажиров и вагонов.

Я не мог его успокоить. Их судьбы мне неизвестны. С одной стороны, я не имел квалификации по живой механике, чтобы разобраться точно. И с другой, слишком уж далеко от ближайшего города мы потерпели крушение. Я знал, что молчала и Инва. Один только Онвар посылал отрывочные сообщения по сетчатой, фантомной связи. Действия труса – он не молчит, но знает, что они, скорее всего, не будут получены. Плохо дело. Вполне возможно, что никого, кроме локомотива спасти не удастся.

Потому меня радовала судьба гермовагона. Он современнее основного состава. Предоставлен Центром. Имел отдельную замкнутую сеть ликроснабжения. И ему оказали помощь первому. С ним уже всё хорошо.

Я углубился в ремонт. Управлялся одной рукой. Левую берёг для операторской работы. В этот момент нас отвлекли крики. Остановив истечение ликры, я отвлёкся на них. К Инве и Онвару бежали двое мужчин. Один – невысокий, полноватый с редкой шевелюрой. Вторым повыше. Они вдвоём несли на руках темноволосую женщину. Все трое в крови и ликре. За ними тянулся след из алых и бурых капель. Руки женщины болтались безвольно. Она хрипела. Голову ей никто не поддерживал. Однако, на ней единственной оказалась надета респиратор.

раторная маска. По цвету кожи очевидно, что раненая много потеряла и крови, и ликры. Я не стал смотреть её перчаткой. Незачем.

– Помогите! Помогите же! – закричал один из мужчин, задохнувшись при этом с натуги.

Инва подошла. Женщину опустили рядом с ней. Прямо на землю. Песок. Открытой раной. Инва присела рядом. Думаю – это она попыталась вести себя вежливо, что странно, ведь мы ещё не оказали помощь локомотиву. Тем не менее, Инва начала осматривать пострадавшую.

– Слава Сотворителю, вы здесь! Как же хорошо, что вы здесь! Слава... Слава Сотворителю, – тараторил тот, что пониже, утирая лицо от крови и пота полой грязного камзола, – мы ехали в поезде. И вдруг всё это произошло! Я не могу... понять, что с ней. Я сам врач, но я не могу понять, что... что с ней!

Инва поднялась на ноги. Поглядела на женщину мрачно. Я подошел ближе и объяснил её взгляд, раз уж мы вели себя дружелюбно:

– Прощайтесь.

– Что?! – присел от волнения полненький, – что?! Нет... вы же... я же... принёс, дотащил! Сделайте же что-нибудь! Возьмите кровь на перчатку! Возьмите кровь на перчатку! Она перестанет терять кровь! Я же вижу, что вы можете! Вы можете!

Мы молчали. Я глянул на Инву. Понял, что свободен возвращаться к своему заданию. Повернулся, чтобы уходить. И тут этот невысокий механоид метнулся ко мне, потянулся к левой перчатке, которую я всё ещё держал на поясе. И сделал это не воровато, не исподволь, а открыто и зло – по-хозяйски. Инва не позволила. Отдала знак опасности. Охранник ударил его прикладом. Не слишком сильно. Молча.

– Я сам могу это, будьте вы прокляты, сделать! – заорал мужчина в ответ, аж побелев, почти как та умирающая женщина, – я – врач! Врач!

Инва второй раз бить не велела. Просто двинулась чуть ближе. Переступила с ноги на ногу. Ближе. И он понял, что всё кончено. Глянул на меня в поисках поддержки, на того высокого мужчину, который помогал ему принести женщину, а затем на неё саму. И упал на колени, будто суставы сломались и отказывались ему подчиняться. Повесил, как на резиновой шее, голову.

– Она беременна, – проямлил он, не утирая слез с мокрых щек и соплей из носа, – наш ребёнок...

Я глянул на Инву. Та подтвердила взглядом. Я проверил перчаткой – женщина скончалась, но плод ещё жил. Мужчина прополз на четвереньках полметра и поцеловал Инве сапог, а потом почву рядом:

– Вы же можете... Вы же из Центра. Это же... теперь ваше. Пожалуйста...

Инва дала знак согласия. Я почувствовал, как она взяла на перчатку тело, и, отдав знак следования, направилась к нашему вагону. Мужчина так и стоял на коленях в растерянности, глядя ей вслед. Я пояснил смысл её действий:

– Отнесите со своим напарником тело к нам в гермовAGON. Там, если вы врач, прооперируете его так, чтобы восстановить систему жизнеобеспечения плоду. Вам дадут указания. Я обязан предупредить вас, что такие эксперименты раньше никогда не заканчивались успехом. Счёт за наше содействие Центр выставит вам по итогам предпринятых операций.

– Всё будет хорошо! Всё обязательно, обязательно будет очень хорошо! – заверил меня он, разбрызгивая слёзы с покрасневшихся круглых щёк, покрытых аллергической коростой, и отдал знак следования тому, что повыше. Они подняли труп, кряхтя.

Я снова направился к месту работы. По дороге я обратил внимание на горизонт. Начало светать. Постепенно светлело небо. Умирала ночь, которая сломала нашему локомотиву хребет.

В нарастающей заре, я смог различить пылевые облака на горизонте. Они выглядели плотными. Набухшими. Шли к нам. Времени мало.

Вагон, с которым я до этого работал, моего возвращения ждал спокойно. Ликра больше не текла. Всё так же, жалея левую руку, я занялся делом. Когда заканчивал, ко мне подошла Инва. Мы отправились к локомотиву.

Его я глянул перчаткой ещё издалека. Дистанционно в нём легко прощупывалась плоть, но признаков жизни механоидов я не обнаружил. Ещё раз я попытался вызвать на ответную реакцию сердце локомотива. Вновь неудачно. Связи жесткие, непокорные, при попытке положиться на них реагировали агрессивно и скидывали при малейшем давлении, а после этого снова начинали бесконечно повторять однотипные вопросы о здоровье пострадавших. Плохо это.

Если связи сами не успокоятся, то сердце придётся отправлять специалистам в мастерскую Храма. Дорого их внимание. Исправят огранщики всё за минуту, и фантомную связь в придачу уберут. Но это – огласка. Вывод информации за пределы круга.

Репутация начальника депо, доверившего камни старому локомотиву, уже не восстановится после этого. Сам локомотив, вероятно, замкнётся. Использовать его для длительных перегонов станет нельзя. Обычно такие хиреют и умирают быстро. Лучше бы связям преодолеть кризис самостоятельно.

Сейчас это нас касалось. Оставшееся без присмотра сердце должно находиться под нашей охраной до момента передачи его представителю собственника. Возможно, таковые следовали в другом, врезавшемся в нас составе. Однако здесь, в пустошах, мы не могли проверить это. Не могли точно знать, кто есть кто. Вот почему теперь сердце – наше дело. И наша обязанность охранять всеми силами.

Когда мы подошли к локомотиву, Инва обратила моё внимание на следы механоида, которые вели внутрь. Судя по тому, что их не затерло ветром, их появление можно датировать последним часом – именно столько времени прошло с момента окончания последней бури. Обратной цепочки следов не видно. По всей очевидности, в наш головной вагон зашел один из механоидов экипажа со второго, врезавшегося в нас, состава. Но они все погибли – искореженные тела в останках чужого локомотива чувствовались хорошо.

Сам факт визита в вагон постороннего ставил под вопрос безопасность сердца. Тем более, что внутри я не чувствовал проявлений жизни механоидов. Я снова проверил внутренность поезда перчаткой, чтобы убедиться в этом. Никого. Кто-то вошел снаружи и умер там, внутри.

Мы обошли вагон вокруг. Провели визуальный осмотр локомотива на предмет серьезных повреждений. Их не оказалось.

Охраннику я велел ждать снаружи. Мы поднялись и встали у входа внутрь. Услышали свист. Художественный свист. Весёлый мотив.

Это мог быть механизм. Увеселительный, к примеру. Но о таком механизме мы никогда не слышали. Маловероятно, чтобы это насвистывал автоматон. Или голем. И всё же – нам не удалось подобрать других объяснений. Я ещё раз проверил, есть ли внутри живые органические или механические существа. По взгляду, я понял, что и Инва это сделала. Наши исследования дали одинаковый результат. Тот же, что и раньше.

Инва завела меня себе за спину. Она тихо просочилась внутрь локомотива и пошла от приборной панели и лобового стекла к хвосту. Я огляделся. Поставил себе в голове заметку о том, что трупа руководителя состава у лобового стекла не оказалось. Это тоже необычно. Если здесь нет тел, то, выходит, что при аварии за приборной панелью не присутствовал никто из экипажа – поезд никто не вёл.

Свист, закладывая лихие виражи, продолжал струиться из глубины вагона. Приближаясь к его источнику, мы шли по направлению к сердцу. Я надел перчатку на больную руку. Аккуратно.

Вскоре мы нашли помощника мастера состава. Его должность узнали по нашивке. Мужчина умер от того, что механика рёбер сломалась при ударе о стол, за которым он работал с бумагами. Осколки рёбер проткнули лёгкие и селезёнку. Мы прошли мимо.

Совсем рядом с энергетическим отсеком локомотива, мы обнаружили тело мастера состава. Шея сломана. Он лежал против направления удара. Это означало, что механоид погиб не во время столкновения, а после него. Он стоял между кабиной поезда и сердцем в тот момент, когда кто-то убил его одним движением.

Очевидно, Инва пришла к тем же заключениям. Черты её лица застыли в сосредоточенности. Отдала мне знак держаться сзади. При опасности – бежать. Пока мы оба носили перчатки, нам не могли серьёзно угрожать механоиды и лёгкие големы. Но не с ними мы встретимся здесь. Впереди нас поджидало что-то другое. И оно добралось до камней, путь к которым мастер состава ему преграждал ценой собственной жизни.

Я замешкался. Подумал о том, не стоит ли предупредить Сайхмара. Сейчас он одной рукой держит груз, а другой ассистирует при операции на теле умершей женщины. Если нас убьют здесь, то его застанут врасплох.

Однако я знал, что при возникновении опасности Сайхмар, не раздумывая, бросит операцию, закроет вагон изнутри и законсервирует груз. Мы же не могли ему сказать, что именно за опасность нависла. Более того нам не известно в точности существует ли она. Быть может, напряжение, в котором мы находимся – преувеличено. Наша замкнутость, на самом деле, делает нас более восприимчивыми к дефектам восприятия подобного рода.

Я успокоил себя тем, что при повреждении путей в диспетчерские передаётся сигнал тревоги. Помощь уже в пути.

Инва застыла в проёме дверей в энергетический отсек. Невидимый для нас свистун выдал сложную переливчатую трель. Замер на секунду. И снова продолжил наяривать. Инва отдала мне знак. Я послушался:

– Если вы способны говорить, пожалуйста, отзовитесь, – громко произнёс стандартную фразу я. – Мы сотрудники Центра по назначению удалённого оперирования плотью, ветвь городов Каменного Воздуха.

Свист смолк и к нам вышел высокий мужчина. Черты лица правильные, открытые. Русые волосы. Одет в простую белую рубашку. Закатаны по локоть рукава. Нашивок на одежде не видно. Механоид. И ни я, ни Инва не могли прощупать его перчаткой. Так, словно он не существовал

– О, здравствуйте! Рад, что здесь оказались выжившие. Немедленно я должен признаться, что столкновение – моя вина. Слишком спешил в будущий Низкий Ветер. Вы направлялись туда же?

– Верно, – согласился я.

– Я – инженер по живой механике. Пришел сюда оказать помощь сердцу локомотива. Видно, что машина сейчас в шоке. Это травмирует камни.

– Мы здесь по той же причине.

– Это ваши камни? – уточнил наш собеседник, улыбаясь. Казалось, что улыбается он очень часто. Я чувствовал, что Инва пытается снова и снова найти его в зоне оперирования. И я знал, что её попытки тщетны.

– Мы – сотрудники Центра, – объяснил я вслух, – поскольку собственники сердца сейчас не могут выразить свою волю, камни переходят в наше владение. По условиям договора, мы обязаны доставить их в распоряжение собственника в целостности.

– Хорошо. Но вы шли сюда долго. За это время мне удалось наладить эмоциональную связь. Я согласен бросить дело, но быстрее будет, если мы поработаем вместе. Тем более, что вас двое и у вас перчатки.

– Верно. Я вижу, что у вас перчаток удалённого оперирования нет. Каким образом вы узнали о состоянии сердца локомотива?

Наш странный собеседник улыбнулся:

– Я же сказал: я инженер по живой механике. Мне не нужны для этого перчатки, это как костыли для того, кто может ходить сам, или как очки для существа с идеальным зрением, – его интонация стала снисходительной, – вы – ремесленники, а я – мастер. О! Вы, наверное, чувствуете себя неудобно, поскольку не можете прощупать меня удалённо? Я приношу свои глубочайшие извинения – это невежливо с моей стороны, не предупредить вас о том, что я немного забочусь о себе, – он повернулся к нам боком, показывая самоцветный кафф на ухе, – он меня немного скрывает, – взгляд Инвы стал необычайно серьёзным, и мужчина ответил на него на этот раз без улыбки, – я не сниму. Давайте говорить честно: здесь два механоида, оснащённые достаточно, чтобы убить меня одним мимолётным усилием воли. За моей спиной – очень дорогостоящее оборудование. В любой другой ситуации, не будь я виноват в аварии лично, то предположил бы, что у вас обоих уже заключён договор на эти камни и притом вовсе не с их настоящими владельцами. Кстати, как вы думаете, какой шанс, что бегуны придут сюда быстрее помощи?

Вместо ответа на его вопрос, Инва сняла с плеч рюкзак и проскользнула к сердцу.

Ни я, ни она не проявили на лицах озабоченности. Даже если сюда придут бегуны, они не смогут спрятаться от нас так, как сделал этот инженер. Имей они деньги на оборудование такого класса, они не стали бы бегунами. Ведь по своей воле никто не задержится в пустошах ни на один лишний час. Не то, чтобы жить там постоянно.

Мужчина одобрительно рассмеялся действиям Инвы. Он прошёл за ней и сказал мне тихо:

– Невзирая на наши взаимные подозрения, нам нужно быть мягче друг к другу у саркофага. Здесь все камни старые, они больше подвержены патологической блокировке внешних связей, а никому из нас этого не хочется, я уверен. Я знаю, что вы понимаете меня и поддерживаете моё предложение.

Я отдал знак согласия. Чувствовал себя неудобно из-за длинного диалога, в который вступил только что. Я признал для себя, что этот инженер действительно хорошо умеет чувствовать камни. Нежно к ним относится. Это вызвало профессиональное уважение.

Дальше он держался в строгом соответствии со своими словами. Вёл себя скромно. Ассистировал Инве. Постоянно что-то рассказывал при этом. Видимо, старался создать видимость дружеской обстановки. Я остался с ними. Стал выполнять обязанности диспетчера. Ошибка при извлечении и перемещении камней могла стоить оператору жизни. В этом Инва полностью полагалась на моё чувство связей. Я ощущал, что камни действительно нашли эмоциональный контакт с нашим неожиданным знакомым. Он направлял к ним тёплую нежную эмоциональную энергию почти отеческой заботы. Я чувствовал за этим большой опыт. Это настораживало меня. Он выглядел парадоксально молодым для демонстрации подобной сноровки. Мне следовало придерживать свои опасения, чтобы не навредить Инве.

Через некоторое время, камни оказались извлечены. Втроём, мы усыпили и законсервировали локомотив. Опечатали его снаружи. Следуя знаку Инвы, я задал ещё один стандартный вопрос:

– Сколько механоидов следовало в вашем составе? Есть ли среди них раненные?

– Я не знаю, сколько – я не считал. Мои личные сотрудники погибли при столкновении. То же касается личных сотрудников поезда.

Я объяснился:

– К нам пришли двое мужчин. Они сопровождали беременную женщину. В каком качестве эти механоиды следовали с вами?

– Я не знаю, кто они. В моём составе они не следовали, и быть их там не могло – весь поезд предназначался для моих личных нужд. Кстати говоря, я категорически вас приглашаю выпить чего-нибудь горячего прежде, чем мы обсудим наше нынешнее положение, а положение придётся обсуждать: оно довольно серьёзное, – он направился в сторону одного из вагонов, – ведь, насколько я понимаю, вид мёртвых тел вас не должен смущать!

Нет. Нас он не смущал. Но он должен был смущать его. Сейчас погибло довольно много невинных. Как он сам признался – по его вине. И это обстоятельство не тронуло нашего собеседника. Не ухудшило его настроения. Я почти уверен, что это верный признак психического отклонения. Я не знал, опасно ли это. Видел, что Инва считает опасным.

Она проследовала за ним. Я видел, что ее рука лежит на поясе с инструментами. Там моя коллега, в числе прочего, хранила нож. Она умела с ним обращаться. Насколько мне известно, уже применяла при защите груза.

Я пошел с ней. Мы быстро добрались до оставшегося на путях вагона. У него не сохранилось ни единого целого окна. Мы зашли внутрь. Обстановка там оказалась роскошной. Сам вагон – новый. Только с завода. Я не знал, что такие сейчас делают. Красивые и глупые. Я считаю, что они не нужны. И всё же мысль о том, что в один из первых же рейсов этот вагон погиб казалось мне несправедливой жестокостью.

– Попробуйте найти себе выпить! Или, может быть, раздобыть чаю! – оповестил нас громко странный мастер, быстро следуя вглубь вагона вдоль хаоса, царящего внутри. – Я должен привести в порядок некоторые документы, которые имеют большое значение! Те, кто ждут меня в будущем городе, уже в некотором недоумении из-за задержки и наверняка беспокоятся, ведь их время тоже довольно дорого! Поэтому будет верхом невежливого обращения явиться туда без обещанных чертежей, а я очень не люблю проявления невежливого поведения...

Инва прошла вперёд, не обращая внимания на убранство вагона. Она добралась до одного из погибших и тяжело остановилась. Тело находилось в пассажирском кресле спиной ко мне. На полу под ним натекла обширная лужа крови. Я подошел к Инве и взглянул на мертвеца. Ему перерезало горло осколком разбитого стекла. Похож на нашего нового знакомого как две капли воды. Я оглянулся на звук голоса, который что-то объяснял про чертежи и дорогу по пустошам.

Я вспомнил, что он не раз обращал наше внимание на то, что лично виновен в аварии. Должно быть, чувство вины за гибель такого близкого коллеги и, к тому же, родственника, и являлось причиной этого пренебрежительного с виду отношения к разыгравшейся трагедии. В таком случае, мы наблюдаем начальную стадию развития тяжелого расстройства личности.

Инва повернула голову в его сторону. Я чувствовал, что от неё исходит угроза.

В этот момент он вышел, накидывая на плечи рабочую куртку:

– Ну что, нашли? Ах..., – он наткнулся глазами на покойника и примолк. Я вынужденно инициировал диалог:

– Мы приносим свои глубочайшие соболезнования в связи с вашей потерей...

– Нет, нет, нет! Не надо, замолчите! Тихо, – я смолк, и он, убедившись в исходящих от нас тишине и внимании, пояснил, – этот труп принадлежит не моему брату-близнецу. Это – мой собственный труп.

II

– Итак, известная нам железнодорожная ветка, ведущая к цели нашего путешествия, всего одна. Она соединяется с двумя другими путями, которые идут от строящегося города к Красным Камням и Талому. К сожалению, как раз после развилки мы и столкнулись, одним махом заблокировав оба направления, по которым могла бы прийти помощь. То есть, пока следы аварии не уберут, нам не подадут новых поездов и к будущему городу мы проехать

не сможем, – демон Хозяин Луны облизнул палец от ликрового молока и ткнул в точку на лежащей между нами карте, выделяя интонацией следующее слово, – если только мы не доберёмся до этой станции и не дадим оттуда сигнал градостроителям. Тогда, вполне вероятно, за нами пришлют поезд из будущего Низкого Ветра. Конечно, при условии, что там вообще есть поезд, – он откусил хлеба и дальше продолжил с набитым ртом, – впрочем, я фы на это не слишком нафаялся. Фoftавов сейфас мало, грузов гофоду нуфно много, – он сглотнул, – поэтому они разгружаются и уходят обычно сразу же. Так что, если там и есть транспорт, то только по чистой удаче, а мы с вами, как я погляжу, на этой неделе далеко не везунчики. Поэтому я предлагаю вот что: дайте мне перчатки, я подниму упавшие вагоны, сформирую поезд, и мы доберёмся до пункта назначения на нём.

– Вы хотите сказать, что можете поднять на перчатке целый вагон? – удивился Онвар. Парень сидел за столом с нами, положив голову на сложенные руки. Его уже клонило в сон.

За прошедшее время мы сделали довольно много. В преддверии новой песчаной бури нам удалось вручную опустить железные ставни на окна вагона, в котором следовал демон. Прибрать рабочее купе. Переоборудовать его в лабораторию, пригодную для работы с камнями. Сейчас там была занята Инва. Она старалась исправить дефект корпуса саркофага. Кроме того – успокоить камни из сердца локомотива.

Как нам удалось узнать, поезд, который врезался в нас, принадлежал Храму. На нём оттуда к строящему городу Низкий Ветер следовал демон Хозяин Луны. Он не сказал нам, почему покинул Луну. Как пробился через пылевое облако, всё ещё висящее в высоких слоях атмосферы после терраформирования. По его предложению мы все приняли ситуацию как данность. Не задавали лишних вопросов.

Демон же, тем временем, оставался всё также улыбочив. Он ответил на не слишком умный вопрос Онвара прямо:

– Да, я могу поднять целый вагон на перчатке, о чём только что сказал, молодой механоид. Я вынужденно вмешался в разговор. Сообщил:

– У нас нет перчаток по металлу. Только по плоти.

– Ну уж! – не поверил мне демон. Он откинулся на стул, – вы обязаны иметь перчатки по металлу для оперирования живой механикой. Это стандарт.

– Неверно. Нашей бригаде присвоен класс, по которому не положены перчатки по металлу. На механику в наших операторских перчатках приходится две нитки.

– Вот нищета! – ухмыльнулся наш собеседник. Я напомнил ему:

– Наша задача – доставить стандартный набор.

– Да, да, разумеется... – он брезгливо отдал нам знак тишины. Мы молчали некоторое время. Позже он сообщил нам своё решение, – тогда я пойду на станцию и передам сигнал. Кто-то из вас может идти со мной. А может и не идти. Всё равно сюда придёт помощь... если только... – он задумался, но через мгновение решил, – а, ну хотя в таком случае будет уже всё равно.

Скорее всего, он имел в виду бегунов. Уже упоминал о них несколько раз ранее. Старался вызвать нас на ответную реакцию. Тщетно. Однако Онвар всё же молод. Его многое пугало.

– Скажите, а вы не думаете, что эту аварию кто-то подстроил специально? – спросил он демона. По привычке я замечал его мышечные реакции. Он очень хотел потрогать это существо пальцем. Потыкать. По-детски.

– Зачем это гипотетическому кому-то? – удивился Хозяин Луны, и тут же развил свою мысль, – разве что он хотел убить меня! Тогда ему, как я погляжу, удалось!

Онвар его шутки не понял, а я её смешной не счёл. Юноша, стараясь совладать с сонливостью, задал ещё один вопрос:

– Ещё я не возьму в толк: зачем нам подавать сигнал со станции? Он должен автоматически уйти из-за повреждения путей.

– А с чего ты взял, что пути повреждены? – парировал демон. Он сам же себе ответил, – логика понятна: раз такая авария, то рельсы должны пострадать. Но ты не учишься, что мы сейчас движемся по полотну, оставшемуся с прошлого мира. По хребту этой черной земли! Эти рельсы пережили Войну Теней и глобальное изменение лица мира. Да. Тут два поезда погибли в результате столкновения практически полностью. Но рельсы... они целы, молодой механоид. И вручную, чтобы подать сигнал в город их, увы (и к счастью), не повредишь.

Судя по тому, что демон рассмеялся, предложение повредить рельсы руками тоже оказалось шуткой. Онвар же открыл рот для следующего вопроса:

– А...

– Довольно разговоров, – оборвал я его стандартной фразой. Обратился к демону, – поступайте по вашему желанию. Мы не имеем права обсуждать ваш выбор.

– А если я решу забрать ваш груз, а? – низко пропел он, подмигнув молодому механоиду. Я ответил незамысловато:

– Мы станем его защищать.

– Такая смерть очень похвальна и почётна! – похвалил меня Хозяин Луны, глядя с усмешкой.

Из купе вышла Инва. Она молча сомкнула на талии фиксирующие ремни от рюкзака с камнями. Я поднялся и стал надевать плотную куртку для того, чтобы выйти наружу. Рука настойчиво болела. Это доставляло мне неудобство. Особенно во время смены одежды. Но я ничего не предпринимал на этот счёт.

Проследив за нами, демон вскинулся, сверкнув в сторону Инвы глазами:

– Эй, стойте! Не лучше ли вам устроить штаб здесь? Сидеть всем вместе в гермовогоне – не самая лучшая идея, тем более, вашему пареньку нужно поспать, – он примирительно окинул вагон движением руки, – давайте вместе посмотрим на карту местности. Возможно, вы захотите, чтобы к станции пошёл один из ваших. Чтобы убедиться, что мне удалось послать сигнал в строящийся город, – Инва молчала, – ведь вы обязаны... мне не доверять.

– Мы не имеем права оставлять груз, – сообщил я. Очень аккуратно расслабил больную руку. Взял её на перчатку. Стал протискивать в рукав пострадавшее плечо. Демон поморщился, глядя на это:

– Да ладно, – улыбнулся он в сторону Инвы, – не нужно идти туда в бурю. Тем более, у тебя один раненый. Давай я посмотрю его? Очевидно, что всё-таки ты не медик и вправила так себе – у него рука почти не работает. Воспалится к утру... кто будет ампутировать? А малой пусть пока спокойно поспит. Буря уляжется, солнце взойдёт, и будете вы у своего груза сидеть, сколько вам будет угодно, м?

Инва пристально взглянула на меня. Я не согласился с её решением. Не согласился с демоном. Она снова зашла в рабочее купе. Хозяин Луны улыбнулся:

– Вот умница.

Я снял куртку, рубашку и сел спиной к нему. Держал прямо спину. При этом я доверял Инве. Не ему. Доверял, не будучи согласен с этим решением.

– Ну..., – обозначил мастер Луны то, что взялся за дело, – руки тут не помыть, но я тщательно всё вытер об одежду. Итак... начнём с головы. Повернись боком, – я выполнил его просьбу, – где ты так стукнулся?

– В гермовогоне. При столкновении.

– Гематомы нет, но выглядит всё равно нехорошо. Сознание терял?

– Нет, – отозвался я.

– Он потерял сознание после удара. Его просто снесло на стеллаж со вспомогательным оборудованием, а там много острых углов, – встрял в наш разговор Онвар, – Я видел, как он ударился и отключился минут на пять-шесть.

Хозяин Луны обошел меня специально, чтобы вопросительно посмотреть. Я объяснился:

– Я всё это время держал груз. Случись со мной обморок, тела бы остановились, но этого не произошло.

– Верно, – Хозяин Луны пригляделся к моим зрачкам и вернулся мне за спину, – ладно. Случись сотрясение, при такой нагрузке уже схлопотал бы инсульт, и мы бы не вели эту многумудрую беседу. Теперь вернёмся к плечу... да. Ой, ох и ах. Что же за дрянь у тебя в суставах. Механика – гадость. Редкостная необслуживаемая гадость. Ты вообще заботишься о ней? На это обязательно нужно тратить деньги. Знаешь, по тому, как у тебя в твоей родной механике всё работает, я могу сказать, где ты бродил и что делал. Как гадалка, только я не ошибаюсь. Ладно, что поделать – будем работать с тем, что есть, ведь мы оба тут с тобой хотим, чтобы ты вернулся к работе как можно скорее...

Болтая, он начал манипуляции с моим плечевым поясом. По привычке отслеживая, я заметил, как быстро и мягко он вошел в контакт с моими родными камнями. Очень мелкими. Почти крошками, выполнявшими минимальные функции. Такие специалисты как я или Инва не могут даже различить их и их связи. Он же очень точно это сделал, доверительно. Сначала я непроизвольно почувствовал боль. Потом – это ощущением стало скорее приятным. А дальше я почувствовал в полной мере, насколько чуткие у мастера руки. Мне не понравилась эта чуткость. Она словно выведывала что-то.

Ощущение солнечное. Тёплое, как в детстве. Мягкое, рябое. Оно болит. Всё, как словно бы позже ничего не случилось. В моем сознании сама жизнь словно отмоталась назад. Отлигнулась, как в книге страницы. Вероятнее всего, я в это время спал. Уверен, что такое произошло не на самом деле. Кольнуло в душе.

В щеку бросился жар от пощёчины и унижения. Беспочинно и именно так, как тогда – тот самый жар изгнания. Нелюбви. Странная горечь заползла под сердце. Скрутилась. Как часовая пружина и стала давить. Но только теперь мне захотелось коснуться её и пригреть. Успокоить. Простить. Унять это давление. Умирить странную горечь. Потому, что, в конце концов, эта боль осталась единственным, что унаследовал я взрослый от маленького мальчика, которым когда-то был.

– Ну вот! Теперь одни сутки на жесткой перевязи и всё пройдет. Я совершенно серьезно – знаю, что не болит, но двигать ею не смей – моя работа такого к себе отношения не терпит. И благодари меня каждый раз как будет дождь – не снизойди я до тебя, болело бы при непогоде как пить дать...

– Риррит, неужели так больно?

Это спросил меня Онвар. Он выглядел обеспокоенным. Снова. Я понял, почему он спросил. Стёр со щеки солёную жидкость.

– Нет.

– Что-что? – демон вскинул взгляд от карт, в которые уже успел углубиться, обращая внимание на меня, – о, такое бывает – когдаходишь в контакт с родными камнями, они эпатируют и стараются рассказать самое важное, самое скрытое. Это ударяет в голову самопроизвольными яркими воспоминаниями. Чем-то похоже на гипнотическое...

– Онвар, иди и поспи.

– ... и да, пациенты обычно не любят, когда об этом рассказывают посторонним, – демон снова обратился ко мне, – будь добрее, как там тебя. Мальчик просто хочет научиться чему-то.

Польщенный, Онвар отдал знак пожелания доброй ночи. Ушел отдыхать. В дальнем жилом купе вагона уже спали крепким пьяным сном доктор и его компаньон. Насколько мне стало известно, операцию по восстановлению обмена веществ погибшей женщины им удалось провести вполне сносно.

Мы так и не задали им вопрос о том, где именно они путешествовали. Не уточнили ничего об их цели. Я не желал этого знать. Инва выяснит всё позже. Или, вероятно, оста-

вит уточнение подробностей мастеру Центра, которому мы передадим отчёт о действиях для выставления счёта.

Я хотел, чтобы этой ночью поспала и Инва. Знал, что она не станет.

Хозяин Луны проводил Онвара взглядом. Сообщил мне своё мнение:

– Мальчик у вас совсем никудышный. Не из того он сплава, не справится. Явно ошибочное назначение Центра.

– Неверно.

– Почему? Впрочем, не говори, я со временем угадаю сам. Тебе понравился! Сейчас же скажу так: у вас странно составленный экипаж. Сопровождает стандартный груз. Далеко от ближайшего города. Локомотив старенький, но работает на камнях, которые при этом нагревают пар. Потрясающе неэффективно. Всё что угодно может пойти неверно. При этом комплектация личного состава минимальная: всего четыре механоида, один из которых не способен вести даже одно тело. У тебя и у шрамированной квалификация явно куда выше, чем требуется для такой работы – определённо вы тут от чего-то прячетесь. Наверняка проблемы с законом. При этом преступления, скорее всего, против Центра, и он вас держит на крючке, общая чуть что предать суду. Вот и корячитесь втроём с ещё одним неудачником, которого я ещё не видел. Наверняка вам это надоело. Захотелось чистого послужного списка, личной жизни, а камни стоят дорого... Конечно, я спешил в будущий Низкий Ветер, но ваш состав обязан был пропустить поезд из Храма, а он не стал. Вот и я думаю: почему так произошло? Как так получилось, что ваш локомотив не получил сигнал «Стоп»? В этой связи я спрошу так: как вы собрались меня устранить, когда сюда доберутся ваши бегуны-подельники?

Я встал:

– Добрый ночи, мастер.

– Доброй-доброй! – с энтузиазмом отозвался он. – Сладких снов! Занимай любое место, не беспокойся за меня – демоны никогда не спят...

Я зашел в купе, где работала Инва. Она кинула мне перчатку. Сразу же, как я закрыл дверь. Я отдал ей свои. Надел ту, что она для меня приготовила и сел на полку лицом к двери. Вытянул ноги. Осмотрел шитьё. Инва исправила нити, которые отвечали за работу по живой механике. Они могли сойти и для работы по молчащему металлу. Она изменила шитьё осторожно. Но теперь я мог снять с демона защищавший его кафф. Сделать подконтрольным. Если это понадобится для защиты груза. Инва стала исправлять мои перчатки на тот же манер. Она отдала мне знак.

Я согласился. Закрыв глаза, уснул сразу же.

Когда я проснулся, песчаная буря утихла. Я вышел из купе перед Инвой. Та казалась более замкнутой, что обычно. По напряженным губам и взгляду я понял, что результат ночной работы с перчатками её порадовал. И что она готова пустить их в ход. Чувствует, что придётся это сделать.

Сзади нас пристроился бледный и вялый Онвар. Как с похмелья.

Мы вышли наружу. Направились к гермовагону в сопровождении двух охранников. Демона в округе не наблюдалось. Пока груз цел, он нас не интересовал.

Чуть впереди ещё один солдат стоял возле трупов троих своих коллег. Они пролежали здесь ночь. Под бурей. Мало что осталось от лиц и от одежды. Мы направились мимо. Один из наших сопровождающих придержал Инву за плечо, кивнув на обезображенные тела:

– Возьмите их на перчатку и сопроводите в ближайший населённый пункт.

Инва отдала знак отрицания. Знак окончания разговора.

– Послушайте, это наши товарищи. Наш командир! Вы не оставите их так...

Я ответил голосом:

– У вашего работодателя нет соответствующего договора страхования с Центром. В текущих условиях мы не имеем свободных ресурсов для транспортировки тел.

Охранник взорвался:

– Вас четверо проклятых труповодов, вы не бросите их тут гнить просто так! – он поднял ружьё и направил его на лицо Инвы, – вы сейчас быстро место найдёте, или одним трупом у нас здесь станет больше!

– Эй, горячая голова, сбрось пар! – прозвучал голос демона. Он шел к нам, направляясь от локомотива своего поезда, – если они не могут, значит – не могут, ты же сам знаешь. Все эти страховки, договоры, прочая бюрократия – сейчас это всё неважно, верно ведь? Мы в пустошах. Одни. Они – нормальные ребята. Работяги, как ты. Мотаются по пустошам мимо городов. Нет у них возможности взять твоих. Сил нет. Бывает и такое сплошь и рядом. Камни старые, держат плохо – любые возможности впритык. Даже ты за пули, наверняка, поштучно отчитываешься. Ну-ка, угадал? Давай так, я сейчас буду сжигать собственное тело. Нельзя, чтобы оно попало, куда не следует. И вы подтаскивайте своих туда. Устроим всё как надо. Костёр до небес. Смерть нужно уважать.

Охранник опустил оружие. Бросил злой взгляд на Инву. Та отвернулась от него. Мы продолжили путь к гермовагону.

Я посмотрел вдаль и замер. Инва тоже остановилась. На коричневом росчерке горизонта набухло несколько пятнышек. Со стороны пустошей. Они приближались быстро. Бегуны.

Я сделал два шага вперёд. Вытянул руку. Легко коснулся связей, скользнул по ним над растерзанной землёй, над тяжелым каменным ветром, форсировал горизонт, почти коснулся его... и не заметил органики. Почувствовал только, как тяжело гудит, стучит низкой барабанной дробью в мощных ботинках обогащённая густая ликра. Как давит на плотные механические тела перегретый пар. Пульсация. Масса. Мощь. Я отнял руку, снял контроль с атмосферы. Дал свою оценку голосом:

– Големы.

Инва внимательно посмотрела на меня. Вынула из рюкзака саркофаг и отдала Онвару. Я пояснил скорее для юноши:

– Все до единого големы. Онвар, принимай контроль над грузом. Шли Сайхмара сюда. Задрай дверь изнутри и жди, пока всё не кончится, а если нас убьют – сиди там и жди спасателей. Не бойся – дверь крепкая, всё выдержит. Главное – держи груз, – Онвар сглотнул, поспешно повернулся и направился в сторону гермовагона, стараясь скрыть нервную дрожь. – Эй, парень! – он обернулся на бегу. Белый, как мел, – не подведи нас. Ты всё умеешь.

Я обернулся опять к горизонту и выдохнул. Инва дала мне понять, что я хорошо справился. Однажды мы попадём в ситуацию, для которой у Центра не будет стандартного набора фраз. Которой нас не обучили. Тогда мне придётся подбирать наугад. А я не умею.

Сделав лишний глубокий вдох, я мягко положил руку на карман, в котором хранились часы. Они потянулись ко мне ласково, кратко.

Прямо глядя на приближающихся налётчиков на поезда, Инва пошла вперёд. Я за ней. Спрятаться мы всё равно не смогли бы.

Демон подошел к нам незаметно. Со спины.

– Поезд до нас доберётся только через несколько дней, – начал описывать он сложившуюся ситуацию, – вы и ваш груз здесь одни. Почти беззащитны. Они – очень даже вооружены. Для вашего блага я предположу, что они – ваши компаньоны.

– Неверно, – ответил я.

– Ну, – бросил он небрежно, подготавливая фразу, после которой доброжелательно улыбнётся, – тогда, нужно полагать, вы покойники. Ведь перчаток по живой механике у вас нету? – Я промолчал. Демон протянул, – Нетути..., – он взглянул в горизонт, – эх, ну вы посмотрите, какие сволочи – это ж всё сплошь старики! Их собрали ещё до войны – глядите-ка, переждали где-то терраформирование и занялись разбоем! А знаете, что будет дальше? Положат всё на счёт на собственное имя, а затем, когда корпорации поделят контроль над пустошами,

потом отойдут от разбоя и дадут себя «найти» в какой-нибудь шахте. Им перепишут имена и дадут новые документы, номерные знаки – всё новое. (Система учёта-то сменилась). И через поколение-другое они заживут. С двумя легальными именами и двумя легальными счетами. Красавцы проклятые! Я заявляю сейчас открыто и во всеуслышание, что осуждаю такое поведение и считаю, что оно должно караться всеми доступными методами, поскольку противозаконно и противостоит самой основе открытого и безопасного мира!

Окончив речь, он оглянулся, проверив, что при данном заявлении аудитория присутствовала.

Я заметил краем глаза, как встают на позиции охранники груза. Они заняли открытую часть гермовагона. Уже усыпили его. Собираются прикрываться им. Подонки. Мастер Луны всё это время внимательно за мной следил. Но бросил наблюдение, как только я к нему повернулся и спешно обернулся в сторону подоспевшего к нам Сайхмара.

Наш коллега легко лёг на связи и протянулся по ним до големов. Оценил ситуацию. Мне понадобилось употребить всё своё внимание, чтобы заметить, как окаменели мышцы под испещренной не по годам морщинистой кожей лица. Он цокнул звонко:

– Куда не войдёт – всюду развернётся.

Демон посмотрел на него с интересом. Пренебрегая надвигающейся опасностью.

– Что ты имел ввиду?

– Сайхмар хотел сказать, что мы сделаем всё возможное для того, чтобы защитить груз, – пояснил я. Я чувствовал, что теряю контроль над ситуацией. Теряю связь с Инвой. Время. Из-за Хозяина Луны мы слишком много теряли времени.

– Он странно это выразил. Хотя... вы знаете, что-то мне напомнило это выражение. Впрочем, об этом мы сможем поговорить и потом. Давайте сейчас так: однорукий отдаст мне свою перчатку. Ту, которая лучше приспособлена для того, чтобы нанести в случае необходимости вред мне лично. И я вам покажу, как работают по живой механике мастера, которые хотят убивать.

Он обращался мимо меня, к Инве. Я не стал на неё смотреть. Молча передал Хозяину Луны оборудование. Поднялся сухой ветер. Жёсткий. Големов к нам мчалось пятеро. Приближались быстро. Одной линией. С воздуха их никто не поддерживал.

Я подумал, что сейчас, возможно, умру. Эта мысль на мгновение показалась успокаивающей. Стало легче от того, что всё, в этом случае, произойдёт быстрее, чем я смогу осознать. Можно сопротивляться изо всех сил, но проиграть. И тогда я не буду виноват в своей смерти. Это будет подарком. Это будет честно.

Мы стояли рядом. Немного прошёл вперёд только Хозяин Луны. Ждали. Скоро наши вероятные противники оказались в прямой видимости. Последние надежды и сомнения отпали – это бегуны. Мы почти ощущали, как дрожала земля под мощью и тяжестью их ботинок. Высокие – метра полтора каждый. Паровые двигатели с перегревателями пара. Безумная, ставшая белым облаком вода то и дело вырывалась вверх. Под весом големов крошились мелкие камни. Они взрывались в пылевое облако поршнями и шестернями ботинок. С каждым широким шагом поднималось новое.

Я не смог определить модель ботинок на глаз. Ничего удивительного. Большинство бегунов используют авторские работы собственных мастеров, собирающих из хлама и родной механики жертв налетов. Бегущая смерть, которую заставляют жить снова. Для грабежа и убийств. Беспокоясь за своё инкогнито, бегуны никогда не оставляют свидетелей живыми.

Поэтому с ними дерутся насмерть. Так далеко от обжитых земель с эшелонами следуют обычно только специалисты, знающие слабые стороны обычных моделей и готовые дать бой. Поэтому бегуны стараются не использовать ничего стандартного.

Для нас это уже не первое подобное столкновение. Нападения случались довольно часто. Но никогда раньше отряд бегунов не состоял исключительно из големов. Считалось, что на слу-

чай более серьёзного нападения, чем налёт бегунов-механоидов, у нас есть защита вооружённых солдат. Но правда состояла в том, что они защищали не нас. Они защищали груз. При этом экипированы они весьма скудно. Военных нанимали заказчики груза и отчаянно сэкономили на всём с ними связанном.

Нас не оснастили перчатками по металлу. Даже грубыми. Охрану – достаточно серьёзными боеприпасами. Мы относились к разным нанимателям. Не взаимодействовали между собой. Легкая добыча. Для пяти быстрых мощных големов.

Инва указала, какого из них мы атакуем первым. Мы легли на связи втроём. Кинулись вперёд по энергетическим линиям. Через ликру – густую, горячую – проскочили сквозь всю механику голема за один удар его механического сердца. И нашли слабину. Сжали крепко. Одновременно. Каждый – как только смог. До крови из носа и звона в ушах. Сжали вместе. Чувствовали в этот момент друг друга так, как мало кто из живущих чувствует самого себя. И металл поддался. Сжался, как только мог на девять ниток шитья на перчатку. И ликра встала – не смогла просочиться. Мощное сердце всё нагнетало и нагнетало её. Прошло семь циклов ликрообращения, и ликровая вена порвалась, а давление начало падать.

Я быстро вернулся сознанием в своё тело и посмотрел – все пятеро продолжали мчаться на нас. Никто из них не отставал. Я снова лёг на связь, вернулся к ликре. Она вытекала. Мы ослепли внутри этого голема, а он бежал. Бежал навстречу нам, чтобы отомстить за себя.

Инва разозлилась. Начала хвататься за всё – каждую мелкую деталь живой механики. Я осознал, что это не паника. Понял её логику. Сайхмар просчитал за мгновение до меня и начал делать также. Я поспешил за ними. В какой-то момент меня сбила со связи Инва. Я снова вернулся из голема. Ужаснулся – как близко они теперь.

Демон помчался к ним навстречу. Я почти чувствовал, какая яркая сейчас у него на лице сверкает улыбка. Попробовал вернуться опять в голема, но понял – уже поздно. И в этот момент кто-то нащупал правильное место для приложения силы. Голем покачнулся. Ботинки понесли его вперёд. Он ими уже не мог управлять. Демон тем временем стремительно приближался к ним. Он оказался рядом как раз в тот момент, когда голем, которого мы атаковали, упал. Упал под ноги одному из своих поделщиков.

Хозяин Луны прыгнул, метя как раз в этот клубок. Сначала, я решил, что его подмололи под себя тонны живой механики, но ошибся. Он быстро оказался наверху. И встал. Бегуны – уже нет. Демон что-то крикнул нам. Должно быть «это будет забавно».

В следующий момент остальные добрались до нас. Охрана открыла огонь – по големам и по нам, раз уж мы оказались на линии огня. Сайхмара задело по плечу. Залп дали только один, и он не причинил бегунам урона. Потом солдатам пришлось менять оружие. Успеть перезарядить использованное в этой схватке не было и шанса. Впрочем, бегуны не побоялись бы и второй волны выстрелов. Уже достаточно близко. Уже покрыли расстояние, разделявшее нас. Мгновение, и они налетели на нас железным ветром.

Меня и Сайхмара смели с дороги одним жестом. Инву шедший чуть впереди голем схватил за торс. Как игрушку. Она продолжала борьбу и обвила его руку ногами. Я встал на колени. Вдохнул казавшийся мне раскалённым воздух. Ушибленная грудная клетка еле слушалась. Но я смотрел только на Инву. Заметил, как закатились под веки её зрачки, обнажая неприятный для взгляда голый белок глаз. Из её рюкзака, перебирая множеством сочленений, выбрались длинные лапы гомункула. Мышцы и кости. Инва всё сшила сама. Способные изгибаться в любом порядке, выглядящие отвратительно для любого стороннего наблюдателя, полосы плоти заползли под сгибающийся механизм руки и быстро убрались восвояси. В ту же секунду ухнул взрыв, приглушенный внешней обшивкой. Рука, повинувшись неудержимой силе ударной волны оторвалась от тела в суставе и отлетела прочь, чуть не подмяв под себя, всё ещё державшуюся за металл Инву. Ещё через мгновение прогрохотало уже внутри самого голема. Это я довёл одну из маленьких бомб, брошенных гомункулом при контакте, до щели во внешнем

корпусе и оттуда – в его нутро. Развороченный корпус бегуна понёсся дальше надвигающихся по инерции ногах, обутих в выкидывающие струи пара механизмы.

Я, как и Сайхмар в это время, уже целиком сосредоточился на другом големе. Не тратя время на ликру, мы также дёргали и жали без разбора всё, на что хватало наших трёх нитей. И я понимал, что мы не успеем достигнуть успеха. Один из двух оставшихся в живых бойцов развернулся и побежал назад к Инве, которая, стоя на одном колене, злобно развернула за спиной своего гомункула, державшего по круглой бомбе в каждой из своих (пяти? восьми?) двупалых оконечностей. Инва улыбалась. Улыбалась зло. Я знал, что она не надеется на повторение успеха. Но готовился ценой жизни довести бомбы до нужной щели, если понадобится.

Защищая коллегу, я пытался сбить этого голема с ходу раньше, чем он нападёт. Мы с Инвой действовали едино каждым действием, но проигрывали гонку со временем. Словно замерла одна страшная секунда, и огромное лезвие, закреплённое на экзоскелете, всё ближе приближалось к женщине, а время утекало сквозь перчатки и линии. Демон появился позади Инвы бесшумно, оттолкнулся от её спины со всей бесцеремонностью, какая только оказалась доступна ему, и высоко прыгнул. Метил сорвать трубки с охлаждающей жидкостью – дезориентировать этим и повредить мозг.

Но голем среагировал быстрее. Его рука с огромным лезвием переместилась в нужную точку в единственно верное время. Этот удар срезал голову Хозяина Луны в движении. Начисто.

Вот тогда я увидел это в первый раз. Увидел, как тонко сплетаются лучи желтого света. Свет, без какого-либо источника. Как густеет золотистая вуаль, превращаясь в кости, мышцы и сухожилия. Я глядел. И взглядом этим задыхался. Как от холодного чистого ветра, как от странной нездешней музыки. Я глядел на это превращение. Взираю на создание тонкой белой кожи, в которую ярким, щекочущим языком фейерверком брызнула по сосудам кровь. И я увидел, как резко открылись новые глаза, сфокусировался зрачок, и пока обезглавленное тело все еще падало, новая плоть Хозяина Луны, продолжая траекторию его прыжка, оказалась на закорках голема. На позиции механика. Демон усмехнулся, и голем встал. Я сунулся в ликру поверженного – уже безжизненная, хотя ещё и тёплая. Демон, не трогая охлаждающие трубки, как-то уничтожил его мозг. Парой движений пальцев.

Почти сразу же стало неожиданно тихо. Смолкли выстрелы. Вспомнив про последнего бегуна, посмотрел в его сторону. Голем лежал без движения. Мёртв. Я перевёл взгляд на Сайхмара. Тот криво улыбнулся.

– Удача в ликре.

Он выявил некую закономерность в том, что мы дёргали и как на это реагировали големы. И применил один раз. Точно. Сайхмар был всегда хорош в поисках и анализе закономерностей.

Проявив заботу о коллеге, я проверил его рану. Это оказалось несерьёзное повреждение, которое затронуло в основном кожу. Следовало часто промывать и держать подальше от здешней пыли.

Я отёр лицо от крови, которая натекла из носа на губы и подбородок. Из правого уха тоже порядочно набежало. Заползло по шее под рубашку. Звуки расщеплялись. Цвета вокруг стали более резкими. Я почувствовал прилив необъяснимой лёгкости. Стало весело. Как от хорошей водки.

Повинуясь хорошему настроению, я вспомнил, что мог проверить демона. Дернулся сделать это. Опоздал. Он снял со срезанной головы кафф и приладил его на новое ухо. Улыбнулся мне:

– Ладно, ничего страшного, всё равно я планировал сегодня костёр. Давайте сейчас все немного отдохнём, а потом займёмся делами. И телами. И всем прочим. Кстати, я приношу извинения, если смущаю кого-то своим внешним видом: к сожалению, одежды к новому телу не полагается, – и он снова улыбнулся. Лучезарнее прежнего.

Сайхмар ухмыльнулся в ответ. Он предпочёл рассматривать. Демон поймал его взгляд и улыбнулся опять:

– Если так, и ты действительно умеешь обращаться с телом, то у меня целый вагон к нашим услугам.

Мой коллега отправился к нему, не задумываясь. Я потянулся перчаткой. Захотел остановить. Он меня быстро сбросил. Я почувствовал в этом усмешку. Сарказм. Пальцами он отдал мне знак извинения. Настолько неискренний, насколько только смог. Хорошо. Смешные шутки – это хорошо. Нам всем нужно сбросить пар и расслабиться ненадолго.

Инва осматривала ботинки големов. Я не стал ей мешать. Сам отправился к гермовагону. Бегун, который лежал на пути к нему, оказался очень сильно повреждён. Следовало предположить, что выстрелы в основном попадали в цель. Несколько пробили точно в уязвимые места, но броня оказалась крепче пуль. И серьёзных повреждений меткая стрельба не нанесла. Умер он наверняка не от точной работы Сайхмара. Меня беспокоило то, что быстро доказать причину его смерти будет сложно. А это основной аргумент в споре за то, кто получит его камни.

Размер нашей ответственности продолжал возрастать. Как я уже отмечал, по договору мы обязаны отвечать за камни сердца повреждённого локомотива. Но использовать их возможности, если бездействие им не вредило, прав у нас нет. Кроме того, мы обязаны приложить максимум усилий для того, чтобы получить все камни, право собственности на которые оставалось неясным. То есть – камни из саркофагов големов-ренегатов.

Беглого взгляда оказалось довольно для того, чтобы понять – погибшие бегуны действительно собирались ещё до войны. Поэтому, скорее всего, предприятия их назначения перестали существовать. Они оказались на свободном или вовсе слепом назначении. Значит – права на их тела вообще никому не принадлежали. Значит – мы обязаны за них драться. Сделать всё возможное, чтобы вернуть камни Центру.

Центр – первый и последний владелец каждой плоти. В мире, Храме и на Луне. Он владеет до рождения. Он владеет после смерти. Механикой и органикой.

Это отлично, когда никто другой не хочет этим владеть. Любая плоть – это большие издержки для собственника. Но плохо, когда в мёртвом или живом есть нечто, на чём можно легко заработать.

Как я и предполагал, на подходе к вагону мне начали угрожать. Все три выживших охранника направили на меня оружие. Скорее всего незаряженное.

– Договоримся по-хорошему, труповод. По-честному. Этот – наш. Наша добыча, – со мной говорил молодой крупный парень. Черты лица явно свидетельствовали о низком уровне интеллекта. Что соответствовало высокому уровню агрессии. Низкой квалификации отряда в целом. Я никогда раньше не видел его. Ответил:

– Неверно.

– Такие правила, – бросил он. Угрожал.

– Нет правил.

– Думаешь, что сможешь говорить с нами с позиции силы? Угрожать нам?!

Я отозвался всё тем же ровным тоном:

– Верно.

– Думаешь, мысль быстрее пули, а? – выше моей головы выстрелили. Может быть, это был промах, – ты подумать ничего не успеешь, как я тебе голову сне...

Охранник не договорил. Упал замертво, как и двое его коллег. Я бегом добрался до вагона. На меня смотрел Онвар. Он зло ухмылялся. Зубы в крови. Кровавый след от носа по щеке. Поверх вытертой текала новая кровь. Белки глаз казались почти бурыми. Кроме того, из ушей на плечи текла ликра.

– Хотели убить тебя. Нас всех! Сволочи. Стервы. Уроды...

– Ты бросил груз, – попытался отрезвить я его. Перчаткой уже потянулся к телам. Сердца только что остановились, – ты нарушил приказ. Открыл дверь.

– Уроды! – заорал пьяным воем он, зло, но вяло пнув под рёбра одно из тел. Я услышал громкое истерическое всхлипывание. Задавленный тонкий писк. Обернулся.

Девушка в форме охраны. Сидела близ двери в гермохранилище. Вжалась. Оружие лежало рядом с ней. Бросила. От страха. Запястьями она закрывала уши. Крупные слёзы догоняли одна другую на нежных щеках.

Я не терял времени. Вводил сердца одно за другим, но действовал быстро. Тратил меньше секунды на одно, разгоняясь с каждым новым всё больше. Меня беспокоил Онвар. Я не мог его забрать на перчатку, пока он оставался в сознании. Пока он находился в таком состоянии, прикончить его мог даже простой осмотр. Он как раз собрался снова ударить убитого им механиоида, но вместо этого согнулся почти напополам. Его сильно вырвало кровью. На мертвеца. Во время следующего спазма юноша потерял сознание.

Я успел принять парня на перчатку. Это спасло его от инсульта. Но охрану уже ничто спасти не могло. От рук Онвара несло палёной плотью. Опять работал только с одной связью. Передёргал её. Пережал. И всё вышло более, чем закономерно.

– Эй.

Я повернулся в ту сторону, откуда меня окликнули. Впрочем, скорее, привлекли моё внимание. В вагон зашел крепкий мужчина. С чехлом за спиной. В чехле, скорее всего, винтовка. Я видел его на дежурстве перед аварией. Он кивнул на Онвара:

– Твой сотрудник?

Обернувшись, я посмотрел ему в глаза и ответил коротко:

– Да.

– Он убил моих, – твёрдо, хотя без лишней эмоциональности в голосе отметил солдат.

Я отозвался:

– Знаю.

– Спрошу так: «Я должен сейчас убить его ради безопасности груза?»

– Нет.

Он смерил меня внимательным взглядом. Дал понять, что за эти слова я буду отвечать перед ним.

– Что вы сейчас намерены делать?

– Добраться до Низкого Ветра как можно скорее.

– Хорошо. Имейте в виду, что клейма на бегунах разные. Нам на хвост сели как минимум три банды. Не исключено – столкновение поездов их рук дело.

– Мы будем решать каждую задачу, как только она станет понятна.

Он отдал мне краткий знак одобрения и вышел:

– Я буду неподалёку. Предупрежу в случае опасности.

Наступившую после этого тишину нарушали только рыдания той девушки, чью красоту безнадежно погребли под собой потоки физиологических жидкостей. В ходе истерики они текли из всех пригодных для этого отверстий лица. В ней, как и в Онваре, легко узнать случайно оказавшегося здесь специалиста.

Прежде чем скрыться в вагоне, я бросил взгляд на поле боя. Остановившись пристально на каждом из погибших големов. Мне показалось в этот момент, что я испытывал к ним глубокую неподдельную благодарность. Она словно гнала меня от вагона прочь, к этим массивным механическими телам. Гнала необходимостью прикоснуться и попрощаться. Списав это странное стремление на травмы от оперирования, я поспешил вернуться в вагон, чтобы позаботиться о грузе.

Пока я решал, как быть с Онваром, вернулась Инва. Она вручную втащила его внутрь вагона. Принесла мне инструменты. Вернула саркофаг в рюкзак. И, усевшись в углу, уснула.

Я своей работой ей не мешал. Сейчас следовало наладить автономную циркуляцию и насыщение ликры. Для этого входящие в груз тела надлежало связать в единую сеть. Пустить и общее ликрообращение через специальный портативный фильтр, который автоматически определяет её состав и перемешивает признаки, способствуя насыщению за счёт собственных аккумулятивных ресурсов и энергии от камней. Такая автономная сеть способна к самостоятельному передвижению и питанию до десятка механоидов. Называется машиной тел.

Сайхмар присоединился ко мне через час. О его ранении позаботился, по всей видимости, демон, и раз мой коллега остался доволен качеством помощи, то я не стал предлагать свою.

Всё время работы он что-то рассказывал, веселил меня. Я не понимал половины его слов из-за своеобразного акцента. И я не понимал смысла, который он вкладывал в свой рассказ из-за странных слов и странного способа их сочетания. Но я улавливал общий настрой. И это действительно успокаивало.

Этот механоид неожиданным образом казался созвучным паровозам. Гибель близких отчего-то возвеличивала его. Не мерзко, нет. Это далеко отстояло от политических речей. Или от высокопарных поэтических излияний. Он просто становился как будто бы выше. И говорил, казалось, чуть добрее. За каждым его словом чудилось будущее. В которое уходят чинно и спокойно поезда. Каждому из них придёт час умереть. Это не могло не примирять с настоящим.

Морок от злоупотребления перчаткой держался довольно устойчиво. Я не допускал ошибок при работе с шитьём, но от необходимости одновременно с этим выполнять задачи механика сильно уставал. Мы сидели с Сайхмаром и собирали нужные для путешествия детали. Я всё больше слушал его. Оставлял ту часть работы, которую следовало проделать руками. Но пьянящая обманчивая лёгкость не оставляла. Так прошло ещё с полтора часа. Потом нас позвали из-за двери, ведущей в гермохранилище. Сайхмар, передвигаясь со странной для своей сутулости плавностью, подтянулся и умудрился открыть старый замок.

За порогом ждала та девушка, что плакала недавно так безутешно. Чуть успокоилась. Улыбнулась:

– Простите, может быть, вам нужно помочь?

Я отдал знак согласия и попросил доложить о её квалификации. Военная форма оказалась лишь стандартной одеждой. В отряде она выполняла функцию инженера, который, случись что с паровыми доспехами или транспортом, должен выручить солдат. Как я уже отмечал раньше, на отряде охраны экономили также, как и на бригаде специалистов по плоти. Шмыслёная девушка совсем не имела опыта полевой работы. Ей сильно не хватало навыка взаимодействия с имеющимся материалом. С хламом, попросту говоря. Однако сейчас она, как и все мы, искала утешения в работе руками.

– Шат сказал, что мы пойдём пешком.

По всей видимости, она имела в виду того военного с винтовкой. Я не стал распространяться на счёт наших планов. Отдал знак согласия.

– До станции?

– Возможно, что нет.

– Мы осмотрели тела големов. Я внимательно изучила ботинки. В них воды километров на сотню ходу. Значит радиус их перемещений – не больше тридцати километров. Дальше должен быть источник воды...

– ... источник воды, – бодрым голом возвестил нам Хозяин Луны, когда несколькими часами позже мы собрались в его вагоне для утверждения плана действий, – здесь может быть только один – перехватывающая станция, до которой я только что предлагал вам добраться. Теперь беру свои слова назад. Она старая и не нужна на этом отрезке пути. Кстати, тоже довоенная. Наверняка её считали спящей. Нужно думать, что бегуны, должно быть, очень осторожно сохраняли её внешний заброшенный вид, поддерживая впечатление полного запустения, но, –

он улыбнулся каким-то своим мыслям и возвестил нам, словно подводя итог, – внешность обманчива! И нам лучше в их лагерь не соваться.

– Значит, нам лучше начать движение, но обойти станцию стороной? – спросила девушка, которая, как могло бы показаться, проявляла наибольшую заинтересованность в нашем будущем маршруте.

– Да, молодая госпожа, думаю, что это так.

– Это слишком опасно для груза, – вступил я, выполняя этим инструкции Инвы, с которыми ранее согласился, – мы считаем, что безопаснее остаться здесь.

– Чего вы боитесь, а? – распевно спросил демон, опершись на стол так, чтобы прямо смотреть мне в глаза. От него пахло гарью. Костром. Риском.

– Пылевых бурь.

Демон расхохотался и начал сворачивать карты:

– Если это единственное препятствие, то будьте готовы уходить. Я проведу вас.

– Как?

Демон услышал мой вопрос. Ответил беззаботно. Снисходительно:

– Ты, правда, не понимаешь, кто я такой. Или мне не следует обращаться к тебе лично? Кто вы все в вашей бригаде? Есть уже признаки образования коллективного сознания? У тебя уже есть потребность, чтобы, обращаясь к тебе, я имел в виду одновременно и всех остальных?

Я оборвал его, вернув разговор в конструктивное русло:

– Бури.

– Бури. Конечно же. Молодая госпожа, – весело обратился он к нашему инженеру-механику, – вы знаете, зачем нужны звёзды?

Она стушевалась. Понятно, что для точного ответа на вопрос нужно обладать определённым образованием. Таким, какое никто из нас никогда не мог надеяться получить. Можно, конечно, дать более простой ответ. Но не слишком наивный. Иначе он прозвучал бы глупо. Пауза затянулась.

– Звёзды, – менторским голосом пропел мастер Луны, – нужны для того, чтобы ночью не стукнуться об угол кровати! – Молодая госпожа залилась краской, а демон продолжил, – в действительности, среди той множественной функциональности, которая заложена в звёздную систему вокруг мира, есть одна замечательная особенность. Которая сейчас очень полезна нам. И очень важна для меня, как для демона. С помощью звёзд я слежу за миром. Я вижу его полностью. Каждый день и каждый час, – он помолчал немного, давая нам время усвоить полученную информацию и продолжил. – Благодаря им я вполне сносно составляю в голове метеорологическую карту. Я знаю о каждой буре до того, как она поднимется. Поэтому я вас проведу. Иди, однорукий, спеши к своей ячейке коллективного разума, говори, что они могут насыщать ботинки перед походом.

– Пыль.

– Пыль? – не понял моего замечания демон, но мне на помощь сразу же подоспела юная особа:

– Я думаю, господин Риррит имел в виду то, что пыль в атмосфере, которая осталась после терраформирования, может создавать шум при работе звёзд. И потом... – девушка опять покраснела и продолжила несмело, – даже если знать, где зарождаются бури, их фронт может быть таким активным, что знание не поможет нам уклониться.

– Нет. Такого не может случиться, молодая госпожа, потому, что мы не пойдём вдоль дороги. Мы заложим крюк, приблизившись к Первородному огню. Там, в Паровых Долинах не бывает песчаных бурь. У нас нет иного выхода, и мы пойдём там. Потому, что если останемся, то оставшиеся бегуны придут за вами. Отберут груз, камни. Убьют. Они старики, а старики никогда не оставляют свидетелей, иначе вся их будущая богатая чистая жизнь окажется под угрозой. Мы должны были прибыть в Низкий Ветер только послезавтра. Ещё двое суток

нас будут ждать, потом попытаются связаться с Талым, поймут, что связь оборвана и отправятся сюда. Это ещё двое суток. А до бегунов – всего пятнадцать километров.

– Но... – задумалась девушка, – в Паровые Долины? Почему туда? Ведь путь напрямик короче.

– Вода, – коротко ответил я.

– Именно. Мы не пройдем всё расстояние до Низкого Ветра без воды. Нам предстоит долгий путь, почти триста километров. Это неделя в пути. У них, – он кивнул на меня, – груз в сто пятьдесят тел, которые нужно насыщать влагой, а у нас в запасе только котёл их локомотива. Ещё прибавь сюда ботинки. Расход топлива и воды на них большой, а нам они нужны. Понадобятся ещё. Особенно, если предстоит случиться беде.

– Внутреннее давление почвы в Паровых Долинах, – отвлек демона от девушки я, – Его вы тоже можете видеть?

– С большой долей точности, – заверил Хозяин Луны и снова нам улыбнулся, – лучшего у вас всё равно нет, – и, сделав вид, будто пародирует меня, ответил коротко. – Вода.

Это слово действительно многое объясняло. Влияло на наши решения. Демон верно определил время ожидания спасателей. В Низком Ветре будут слишком долго ждать, а от Талого – слишком долго ехать. К тому же, в Низком Ветре вовсе может не оказаться локомотивов.

Предположим, мы могли бы взять бегунов за скобки. Но природа вне городов неумолима. Если мы решимся ждать спасателей, то нам придётся поить груз. У нас есть запас на два дня. Мы везли его с собой. Ещё на два мы найдём в паровом котле и прочих личных запасах поезда. Но дальше... мы потеряем часть груза. Быть может – весь. Это недопустимо.

– Простите, господин Хозяин Луны..., – начал говорить доктор, который желал участвовать во всех наших обсуждениях. Демон прервал его тоном, будто сообщал нечто не слишком важное:

– Если вы используете обращение «господин» или «мастер», то титул «хозяин» опускается. Говорить и то, и другое противоречит этикету и опускает вас в моих глазах ниже уровня существа, имеющего права вести только что инициированный диалог. Я вас прощаю, но будьте внимательны впредь.

– Приношу запоздалые извинения. Однако я продолжу говорить: по моему мнению, нам всё же нужно подождать поезд с помощью. Ударный отряд бегунов мы уже... победили. Больше у них, наверняка, бойцов нет... Идти прямо по пустошам очень опасно...

– На нас напали големы из трёх разных банд, – напомнила ему девушка, – всего только пятеро. Банды редко состоят меньше, чем из десяти бойцов.

– Не обязательно ведь им всем быть големами! – выпалил давно заготовленную фразу доктор.

– Мы не знаем этого! – молодая особа втянулась в спор, – Нам повезло в прошлый раз! В следующий раз любой из них нас может убить!

– Тем более, с тремя из пяти вам помог я, – скромно обратил на себя внимание демон, – а больше меня с вами не будет. Я принял решение идти. Моё время дорого. Я прибыл сюда, чтобы добраться до Низкого Ветра и там обсудить с высокими мастерами порядок завершения и усыпления города. Это – дело чрезвычайной важности, которое затрагивает многие сотни лет будущего мира. Поэтому каждому присутствующему здесь должно быть понятно, что свои планы я с вами не обсуждаю. Я даю вам шанс спасти свои жизни. По-моему, это довольно щедро, – он кинул на меня взгляд и оторвался от стола, направившись в личную часть вагона, – решайте.

Я вернулся к Инве и Сайхмару, которые уже заканчивали построение машины тел. Говорить им ничего не пришлось.

Глава 2. Не поезд

– Ну, наконец, все собрались! – возвестил Хозяин Луны, устраивая нашему небольшому собранию импровизированный смотр, – у нас отличный личный состав! Практически полная комплектация отряда первопроходцев: операторы по плоти, инженер, снайпер, врач, и... – он запнулся, посмотрев в сторону усатого механоида, о котором мы ничего не знали.

– Я – нотариус, – скромно сообщил он.

– Нотариус! Теперь точно всё так, как надо! – он обвел нас сияющим взглядом. Те, кто занимались телами, не особенно обращали внимания на демона, остальные же слушали его вдохновляющую речь с интересом.

Видимо, они в ней нуждались.

Мы экипировали тела так, чтобы они получили минимальное количество повреждений в пути. Всё возможное внимание мы уделяли их безопасности. Ведь именно сохранность тел являлась самым уязвимым местом нашего путешествия.

Все тела мы интегрировали в одну ликровую сеть, которая работала как ликровый фильтр для механоидов, следовавших с грузом: то есть с её помощью мы могли вовремя чистить ликру и получать основные питательные вещества. Машина тел имела целый ряд функций. Кроме тех, что я упомянул, она использовалась для переноски необходимого нам груза: в целом он составлял почти три сотни килограммов необходимых в походе предметов. Кроме поклажи машина несла двух пассажиров, Онвара, и, по крайней мере, одного спящего оператора. Каждый механоид весил примерно полторы сотни килограммов. К этому ещё следовало прибавить двести литров воды. В общем, машине тел предстояло перемещать более тонны груза.

Я пристально взглянул на Онвара. Парень всё ещё не пришёл в сознание. Мы сделали для его пальцев всё, что могли, но один из них серьёзно пострадал. Я проверил состояние здоровья юноши перчаткой. Всё спокойно.

В грядущем походе меня больше всего беспокоил воздух. Респираторные маски для тел, входящих в груз, оказались не предусмотрены. Мы сделали для них фильтры грубой очистки. Однако они могли защитить только от каменной крошки. Если воздух здесь заражен, то это может обернуться бедой. Проверить состав атмосферы мы не могли. У нас просто не было необходимых аппаратов и реагентов. Оставалось сделать всё, чтобы снизить возможный риск. Надеяться.

Хозяин Луны закончил свою речь. Он подошел ближе к грузу. Обернулся ко мне:

– Мне хотелось бы, чтобы группа двигалась в моём темпе.

Ничего плохого в его желании я не нашёл. Дал свою оценку:

– Поддерживать быстрый темп передвижения не могут всего два механоида. Но они умеют использовать ботинки. Оба пассажира будут передвигаться на машине тел.

– Нет, ты неверно понял меня: я хочу, чтобы группа не допускала траты моего времени попусту. Двигалась круглосуточно. Потому что я не сплю и могу очень долго двигаться без остановки. Так я и планирую делать: бежать без отдыха. Пожалуйста, помни о механоидах и механизмах, которые находятся сейчас на Луне. Где нет меня и где очень суровые условия жизни. Сейчас никто не сможет защитить их в случае серьёзной аварии.

– К сожалению, я не могу дать на это согласия, господин, – ответил я стандартной фразой.

– Почему? Я прекрасно оценил ваши возможности. Вы построили хорошую машину тел, и она вполне может нести спящих. Двух операторов вполне достаточно для того, чтобы поддерживать её на ходу. А если вы хотите мне указать на опасность для здоровья операторов, то я парирую с двух сторон: во-первых, как я уже говорил, всё время, которое я нахожусь не на Луне, все её сотрудники находятся в опасности, а ещё – вы все зависите от меня. И, при всём уважении к вашему тяжелому труду, терять столько времени ради вас я не намерен. Я нужен там,

наверху. Нужен в Низком Ветре. И ваша безопасность по сравнению с этими надобностями – погрешность, которой я могу пренебречь. В мире ещё достаточно трупов и операторов.

Он встретил мой взгляд спокойно. Странно: я ожидал увидеть во взгляде демона насмешку. Я прогадал. Он серьёзно на меня смотрел. Только мягкое, хотя и настойчивое участие. Понимание. Аккуратное, как всегда. Как каждое его касание. Неважно к чему – механике или связи от камня. Вкрадчиво, ласково, настойчиво. Безапелляционно.

Рядом с нами остановилась Инва. Он отвлёкся на неё и произнёс с неизменным задором:

– Умоляю, не надо просить нас вести себя дружелюбнее. Я только начал дорожить очаровательной неприязнью, которая робко возникает между мной и твоим одноруким коллегой!

Нахмурившись, Инва отдала мне знак принятия, и я передал господину Луны наше согласие устно.

– Отлично! – просиял демон, когда я ещё не успел договорить, – по вагонам, господа!

Механоиды начали приближаться к машине. Никто не осмеливался открыто и прямо смотреть на мертвые тела, поднятые на ноги. Исключение представлял Шат. Он уже бегло разведаль местность. Я отметил, что он блестяще владеет трофейными механизмами. Это мастерство не удивило меня. Почти все солдаты с механическими голеньями имели квалификацию по усиленным сепаратным механическим ногам, которые в народе называли ботинками. Сейчас солдат занимался исключительно вопросом обеспечения нашей безопасности от повторной атаки бегунов. Как и Хозяин Луны, Шат полагал её возможной. Даже более того – почти неизбежной.

Перспектива затеряться среди песчаных бурь вызвала его одобрение. Если ветер затрёт наши следы, то бегуны уже не смогут узнать, куда точно мы ушли. Но общее направление угадать не слишком сложно. Отвергнув путь к базе бегунов, мы могли идти только к строящемуся городу (Талый остался далеко позади). И только вдоль границы Паровых Долин. Других источников воды не обнаруживалось на километры и километры вокруг. Шат всё это знал. Считал, что нас догонят и сделают всё, чтобы убить. Услышав отрывки нашего разговора, он отдал мне знак принятия.

Очевидно, что он рад нашему решению двигаться без остановок.

Инва остановилась подле меня. Она поправила металлические проводники, которые позволяли механоидам с органическими ногами носить ботинки. Визуально они напоминали металлическую сетку вокруг ступней и лодыжек. Закрепив проводник, как следует, женщина поставила ногу на скобы, расположенные на боку ботинок, и ведущие наверх. Обернувшись. Велела взглядом мне отдыхать первому.

Сайхмар как раз закончил с установкой самопальных платформ, которые можно использовать в качестве носилок. Он хотел меня пригласить высокопарным жестом. Но Инва велела отдыхать и ему. Пресекла сутулую усмешку. Возникло ощущение повисшего в воздухе полилога. Взаимопонимание, направленное на чувство сплочённости. Защиты.

Инва пробежалась в ботинках по окружности машины, набирая скорость. Я и Сайхмар заняли места. Машина тел двинулась.

Для лежанок мы приспособили довольно узкие полки без ограничителей. Во время путешествия в поезде мы на них спали. Сейчас наспех переделали в носилки. Максимально облегчили. Сайхмар сделал всё для того, чтобы тела испытывали как можно меньше нагрузки. Разумеется, он пожертвовал при этом комфортом механоидов. Я с ним в этом согласился.

Для меня и остальных операторов (исключая, возможно, только Онвара) отдых в таких сложных условиях вполне возможное дело. Остальным будет сложно спать. Предстоит не только избегать мелких движений во сне, но даже наоборот: балансировать, чтобы не свалиться. Тряска предстояла немаленькая.

Я лег, стараясь расположиться ровно по центру. Соединился ликровым клапаном с телом, несшим меня. Устремил взгляд прямо перед собой. Я смотрел вверх. Там, наверху, не видно

облаков. Я видел облака всего несколько раз в жизни. Когда мы доставляли груз на север. Ближе к полюсу. Воздух там гораздо чище. В городах механоиды ходили без масок. Фильтры на домах – облегчённые.

В том же краю невооруженным глазом можно различить лишь странную рябь, закрывавшую небо.

Здесь же тяжелая каменная взвесь поглотила солнце. Звёзды. Луну. Если честно, то коснуться Хозяина Луны, волшебного повелителя самого большого механического существа на свете, представлялось единственным шансом как-то почувствовать, ту простую истину, что Луна реальна. Луна – реальна. Я знал это потому, что видел её демона. При мне он шутил, пил кофе, при мне он умирал.

Он как-то добрался от Луны до мира. И как-то планировал попасть назад. Пробриться через эту пыль. Через каменный морок между миром и Луной. Как?

Машина набирала ход. Я прочувствовал то, как сложно оставаться на месте. Через ликру я ощущал настойчивость Инвы. Она хотела, чтобы мы оба уснули. Доверились машине. Я хотел этого. Ждал, как растворюсь в множестве ног, множестве грудных клеток. В зрении многих глаз. И пушу Инву внутрь собственного тела. Я устал больше, чем предполагал. Но что-то не давало мне забыться. Держало.

Машина тел – это хорошее устройство. Путешествие на второпях собранном нами механизме я мог смело сравнить с поездкой на поезде – настолько монолитную конструкцию мы создали. Сайхмар рассказывал мне, что поезда смотрят те же сны, что и их пассажиры. Запоминают лучшие из них и хранят у себя. И когда кто-то, задумчиво глядя в окно и устроив руку в ликровой заводи, не может уснуть, они дарят такому пассажиру один из снов из своей огромной библиотеки.

Но по прибытии на место мы вынуждено разберем нашу Машину тел. Ведь ее составляющие необходимы в городе для того, чтобы запустить ликровую сеть. После войны носителей редких ликровых признаков стало меньше. Их значение для городов возросло. Набор, который мы везли, позволял жить в Низком Ветре каждому механоиду. Без ограничений. Это – необходимое условие свободы передвижения в новом мире. Эти трупы неживыми руками распахи-вали ворота для каждого жителя мира. Стирали границы.

Я задумался о войне. Она уничтожила весь старый мир и закончилась терраформированием. Это всё, что я знал о ней. Всё, что мне сказали в рабочем доме. Я понимаю, что мои учителя знали не больше. Мы не знали, против кого сражались. Не знали даже, победили или проиграли в ней. За что мы воевали. Я понимал только, да и то не до конца, что мы потеряли в её жерле. Мы потеряли в ней прошлое. То, в котором существовали великие железные дороги – Хребет Мира. То, в котором каменная завеса не отделяла нас от неба.

Упершись взглядом в коричневый каменный купол неба, я осознал, что меня что-то очень сильно беспокоит, и я никак не могу отделаться от этой тревоги.

Возможно, дело в Луне. Но скорее – странной непоследовательности происходящего. А если ещё точнее – его логики. У этого всего одна и та же логика. Она звучала тихой раздражающей нотой. Я не мог её выразить в словах. Понимал, как каждый понимает собственную тень. Интуитивное знание, стоявшее у меня за плечами. Его нельзя выразить. Поймать за руку. Рябило. Как каменная крошка там, в небесах.

Это ощущение держало меня ещё несколько минут. Затем померкло. Его вытеснила необходимость отдыха. За секунду до сна я забыл, где нахожусь. Кто я. Только чувствовал, как скользит по щеке от обиды, нанесённой много лет назад, слеза, которая давно, ещё в детстве, высохла, подавленная каменным ветром от пустошей.

Инва разбудила нас ночью. Заря только занималась. Машина тел не делала остановок для пересменки. Прежде, чем отстегнуться, я как следует размял члены. Затем сел. И соскочил вбок. Довольно скоро мне удалось влиться в общую скорость. Я приблизился к Инве. Наши

взгляды встретились, когда она отдавала ботинки Сайхмару. Мы поприветствовали друг друга без слов.

Особенности моей физиологии не давали мне использовать ботинки. Даже при условии надетых проводников. Однако я мог бежать довольно долго. Инва учитывала мои особенности при определении крейсерской скорости машины. Если Хозяин Луны и возражал ей, то тщетно.

Прежде, чем принять груз, я пробежался вокруг машины. Сайхмар сделал то же самое. Он легко мчался на огромных механических ногах. Обогнал меня. Мы провели беглый визуальный осмотр. Не выявили повреждений или рассинхронизации. Я занял своё место впереди и чуть справа. Сайхмар – замыкал.

Мы оба положились на связи, прочувствовали их и одновременно приняли машину. Сознание размылось. Подёрнулось дымкой. На мгновение странная логичная нелогичность нашей ситуации стала мне почти ясна. Подступила к горлу, как приторно-сладкое послевкусие от спиртного. Как рвота. И затем исчезла.

Мерно шли по каменистой почве сто шестьдесят две пары ног. Груз составляли тела разного роста, телосложения. В набор входили и крупные мужские, и миниатюрные женские трупы. Для поддержания единого темпа машины, каждому следовало двигаться с индивидуальной скоростью. Но Инве удалось очень органично всё сопрячь. От неё ко мне и Сайхмару по связям и прямо в души скользнуло ясное математическое описание закономерностей и соотношений. Оно поглотило меня, окунуло в кровь и ликру, которые перегоняли сто шестьдесят две сердечные мышцы, и весь этот шум застучал единым ритмом во мне.

Перед глазами вперед смотрящих расстилалась и расстилалась темная материя каменистой земли. В сумерках она казалась нереальной. Словно и вовсе её не существовало. Только топот неживых ног, взгляды неживых глаз, устремлённых в ничто. Это показалось мне похожим на прыжок веры, на самозабвенное вращение в ритме танца, когда всё вокруг перестаёт существовать и всё естество остаётся поглощено полностью лишь непрерывной, абсолютно честной логикой единого движения. Это своего рода музыка.

Музыка.

Холодная. Бесстрастная. Рукотворная, как каждое произведение искусства. Такая же фальшивая. А значит – вечная. Мы не можем понять красоты рассвета или заката. Вечной пленительности водного потока. Хрупкого изящества мыльного пузыря. Пока не наполним их ложью. Дадим метафорический смысл. Ложь. Адаптируем их под собственное восприятие. И вот тогда мы смотрим на них. Задыхаясь тем сознанием, той красотой, которой в них никогда не существовало, о которой они ничего не знают. Мы становимся безусловно созвучны их грации, которой они – от самого своего создания – лишены. Несуществующим в них самих изяществом. Избрав их в качестве проектора своих идей, мы так заворочено восхищаемся собой. И через это унижаем себя себе в удовольствие. Музыка. Топота мёртвых ног.

Я весь растворился в ней.

Втроём мы держали почти десять циклов. А затем Инва отпустила. Я очень терпеливо ждал, пока она уснёт. Чувствовал её связь с машиной через ликровый клапан. Измотанная, она соскользнула в сон довольно быстро. Мы с Сайхмаром мягко приняли её тело на контроль. Так мы исключили несчастный случай во сне. К сожалению, остальных механоидов подстраховывать подобным образом мы не могли. Для того, чтобы позволить специалисту присматривать за телом во время сна, нужна соответствующая тренировка подопечного. Она включала как физические, так и психологические упражнения, направленные на раскрытие доверия. Сверхразумного доверия. Мы учились пустить чужое сознание внутрь себя. В самое сокровенное. Самое личное. Самое доверительное. Сломать уверенность в том, что может существовать что-то, принадлежащее только тебе. Смять её. И дать право другому мыслящему существу надзирать за твоим беззащитным сердцем. И жизнь кажется такой тонкой. Такой неудобной.

Приняв контроль, я расслабился, позволив ногам самим перебирать по почве, отмеряя расстояние. Дыханию – самостоятельно подстроиться под оптимальный ритм. На стадионных тренировках нам удавалось добиться от моего тела производительности в шестьдесят километров непрерывного бега в день. Но здесь перед нами расстилались пустоши. Группы мышц, работающие при беге в рафинированных условиях стадиона и на открытой местности, разные. В последнем случае затраты энергии больше. К тому же, необходимо сохранить запас сил. Я мог рассчитывать на тридцать километров. Дальше – опять отдыхать.

Сейчас я не держал груз в полном смысле этого слова. Моя роль в работе машины заключалась в том, чтобы снять с Сайхмара часть нагрузки на максимально длительное время. Сколько бы я ни снимал нагрузку, сейчас важна каждая сэкономленная крупница. Вести машину целую неделю без остановок – очень сложная задача, ставящая здоровье, а возможно, и жизнь оператора под угрозу.

К концу пути мы будем вымотаны до крайней степени. Более того, по прибытии на место груз нельзя будет бросить в одночасье. Потребуется адаптационный период для того, чтобы интегрировать набор по дальнейшему назначению. И далее – дать Инве полностью восстановиться прежде, чем она покинет нашу бригаду и перейдёт на назначение по работе в Низкий Ветер. Останется в этом городе дальше. На годы.

Задумавшись об этом, я невольно ослабил внимание. В поле моего слуха отрывочно попал разговор Хозяина Луны и девушки-инженера. Она до сих пор не ложилась спать и казалась полностью поглощенной разговором с демоном. Когда я посмотрел в их сторону, она как раз говорила:

– И что же, она все эти годы так и будет? Ждать его?

– Конечно, – произнёс Хозяин Луны тоном, который явствовал, что демон доволен собой и эффектом своего рассказа, – он же суждён ей. Навсегда.

– Я не смогла бы так. Сотни лет! И тем более, – по тону я легко заметил, как девушка покраснела, – его братья рядом. Они красивые?

Инженер шагала в ботинках чуть правее меня. Я без труда определил, что механику ботинок перенастроили так, чтобы требовать от оператора минимум усилий. Только находиться в них.

Хозяин Луны стоял на том же механизме, на месте ассистирующего механика. Балансировал без видимых усилий.

– Мне сложно судить о внешней красоте, – скромно отозвался он на восторженный тон своей слушательницы, – она – лишь отражение вкуса времени. Сегодня красив один, завтра – другой. Время стирает критерии, по которым оцениваешь внешность. Остаётся только функциональность. А его братья, они... несчастные. Кто влюбится в несчастных мастеров?

– Ну... любовь ведь и нужна затем, чтобы унять чужую боль, преобразить... Мне всегда казалось, что любовь придумал какой-то гениальный скульптор. Потому что она так сильно преобразяет...

Я вмешался:

– Расход воды при данных настойках механизма чрезмерен.

– Не переживай, бедолага, – бросил мне демон. Я знал о том, как краснеет легкая на румянец его собеседница. Чувствовал, как улыбается он сам. Я привык достраивать в голове работу мускулатуры лица по интонациям голоса. Это весьма полезное упражнение, которое многие операторы оставляли при себе с ученических времён на всю жизнь. Вслух я произнёс:

– Это – зона моей ответственности.

– Да, а зона моей – наш маршрут. Мы сделаем привал у воды через четверть часа.

– Объяснитесь.

– Что, прости? – переспросил он, имитируя холодность в соответствии с тем, как того требовали нормы стандартного социального взаимодействия в данной ситуации. Он врал в каж-

дом слове. Я врал в каждом слове. Я – потому, что в действительности представлял собой бессловесный механизм, лишенный врождённого для прочих механоидов чутья на искренние эмоции. Он – почему? Мне не следовало над этим задумываться. Но, тем не менее, я перебирал в голове варианты. Остановился на самом очевидном. И начал перебирать снова. Вслух произнёс следующую реплику в пьесе:

– Вы настояли на непрерывном движении. И при этом требуете остановки через неполные сутки.

– Да, – согласился Хозяин Луны, похвалив себя интонацией, – я такой.

Шорох, соответствующий движению руки. Он невзначай обнял девушку. Её длительность жизни для него – мгновение. Поэтому объятие это – невербальный знак, требующий от меня молчания. Перемены темы разговора. Он давал мне два варианта действий: настоять на своём или подчиниться. Выбор оставался за мной. Он вёл к решению вопроса о времени, в течение которого я окончательно признаю его лидерство. Играть и тратить время я не хотел. Его развлечение не входило в круг моих обязанностей.

Отходя прочь от этой парочки, я бросил:

– Будь внимательна, это существо убило мастера нашего поезда, сломав ему шею одним движением.

Произнеся это предостережение, я переместился к центру машины тел. Я чувствовал злость. Причины её появления оказались скрыты от меня. Что, в свою очередь, порождало чувство непонимания. Мои эмоции требовали закрыться. Требовали возвращения в уют молчаливости и ограниченности контактов с внешним миром. Я пережил неожиданный для меня всплеск симпатии к делу, с которым связал свою судьбу.

Нежно проверил часы. Но не позволил себе достать их. Ровное движение стрелки по кругу успокоило меня. Не дало забыть, что всё, что я только что испытал, следовало подвергнуть анализу. Но всё же мы – чёрные коробки со всякой всячиной. Какая-то из них может вылезти в открытый мир в любой момент.

Мне не дано понять причин вспышки внутренней злобы. Я признался себе в том, что не хотел идти дорогой, которой она звала меня. Потому, что дальше я углубился бы в воспоминания. Я не хотел снова пускать их внутрь. Они остались снаружи бортов поезда. И песок, который несли пылевые бури, истер их в пыль. Есть груз. И больше ничего теперь не важно.

Начинало светать. Вспомнив о бурях, я поглядел вдаль. И увидел рябь одной из них. Через несколько минут наблюдений убедился, что она проходит боком. Мы действительно избежали встречи с угрозой. Как и обещал Хозяин Луны.

Я вновь пробежался вокруг машины тел. Провёл визуальный осмотр. Затем, действуя согласно инструкции по оказанию услуг живым по время транспортировки тел их близких, я обратился к врачу:

– Вы ели?

– Нет, – ответил он тихо.

Он выглядел странным. Его невысокая полноватая фигура в помятом официальном камзоле и грязной дорожной одежде выглядела комично. Он сидел на полке-паланкине, подтянув под себя колени, как подобает грустящей девочке-подростку. Такое физиологически наивное выражение печали могло вызывать в окружающих лишь жалость. Подкупающую. С печальной улыбкой в уголке губ. Я постарался придать своему голосу участливый тембр:

– Отчего? Вам следует поесть.

– Я знаю. Но не могу себя заставить. Извините, не в обиду вам, но это же... Это жутко. Они – мертвецы! Поймите правильно, я не хотел оскорбить вас и ваше назначение, поймите правильно.

– Я понимаю, – чтобы переключить его внимание, я кивнул своему собеседнику на сопровождавшего его нотариуса, который громко храпел на своём месте, подключившись к общей

ликовой связи и наслаждаясь приятным, как ни странно, сном, – к счастью, ваш сотрудник лишён подобной щепетильности.

– О, да, – грустно улыбнулся мужчина, – но как может быть иначе? Он – официальное лицо, откуда у него взяться чувствам?

Шутка, полная светлой грусти. Я отметил. Прореагировал:

– Я слышал, они сдают чувства в специальные камеры хранения по пути на работу.

Мой собеседник оживился. Он посмотрел на меня:

– А вы?

– Однажды их забрали совсем. В обмен на перчатки.

– Думаете когда-нибудь попытаться сменить назад? – наш диалог напоминал разговор двух попутчиков в поезде. Я мог говорить совершенно спокойно. Поскольку знал, что мы расстанемся. И это будет навсегда.

– Боюсь... боюсь, что мне уже ничего не вернут взамен. Всё исчезло. Знаете, как это бывает в пути с грузом: усушка, утруска? – я улыбнулся.

– У вас очень тяжелый труд, – произнёс мой собеседник и вздохнул, – я кричал на вас вчера. Простите. Я, конечно, говорил, что врач, а сам... смех один. Я – отоларинголог. Во время операции я с трудом вспоминал, что нужно делать. Признаться честно, ваш коллега владеет знаниями анатомии гораздо свободнее меня...

– Вы посвятили себя милосердию, и этого не отнять, – успокоил я его, закрепляя результат, – постарайтесь подумать о своих будущих пациентах и всё же поесть. Положитесь на меня как профессионал на профессионала. Впереди долгий путь к цели.

Он грустно улыбнулся мне и пообещал справиться со страхом. Это меня вполне устроило, и я переместился ближе к переднему ряду машины. Потянулся по связям вперёд. Ещё раз проверил Онвара. Ему стало гораздо лучше. К середине дня он проснётся. Исчезнет угроза его жизни.

Придя в себя, он останется один на один с тем, что сделал. За убийство Центр предъявит ему обвинение. Каждый сотрудник Центра это подтвердит. Кроме нас – Шат. Я не могу точно сказать, что ему грозит. Возможно, каторга. Может быть – назначение вроде нашего. Но будущего, которое он себе хотел, больше нет.

Кроме того, его руки. Сильный ожог занимал небольшую площадь. Но шрам останется, возможно, фаланга не сможет впредь свободно двигаться. Всего одна мысль перечеркнула всё, к чему юноша стремился много лет. Но он поставил под угрозу груз. Поэтому я не испытывал к нему жалости. Ничего плохого не случилось бы, выполняй он моё поручение. Работай он по назначению.

Когда я завершил все необходимые действия, Хозяин Луны велел машине тел замедлиться. Затем остановиться. Мы с Сайхмаром принялись за дело. Всё вместе заняло почти десять минут. К этому времени впереди стали ясно видны проблески рассвета. Утро вступало в свои права. Однако я пока не мог различить каких-либо признаков того, что мы находимся рядом с водой.

Напротив, мы пришли к некому обрыву, нависавшему над безблагодатными просторами пустых земель. Впереди – насколько хватало зрения у моих сотен глаз – туман. Казалось, здесь кончался мир.

Господин Луны спешил и подошёл к краю, с наслаждением наполнив лёгкие здешним влажным и тепловатым воздухом, вдыхать который оказалось тяжело:

– Позвольте представить вам, господа и госпожа, – отметил он молодую девушку-инженера особо, – Паровые долины. Фактически это пример самой большой паровой машины в мире. Она расположена тут под почвой на глубине десятка километров под корой мира. И суть её заключается в том, что вода из подземного океана охлаждает быстро поднимающиеся из сердца мира граниты. Они очень быстрые: проходят расстояние из места зарождения

до поверхности за неполные пятьсот лет, насколько мне известно. Как и за счёт чего происходит такое быстрое выдавливание гранитов на поверхность – не спрашивайте. Это слишком далеко от Луны, чтобы я мог знать точно, да и никто этого толком не знает. Могу только как-то связать это с механическими Цитаделями Хозяина Гор, которые постепенно уходят под землю, и чьего назначения не знает даже мастер Конструктор, демон, который их, собственно, и строит. Итак, за счёт охлаждения быстрых гранитов вода расщепляется. Водород в воде, охлаждающей граниты, отделяется от кислорода, и последний воспаряет повсюду, разносимый естественными ветрами. Кстати, можете снять маски – здесь они не нужны. Кислорода здесь больше, чем где-либо в мире.

– Возможность биологического и технологического заражения при повышенной влажности превосходит норму безопасности, – произнёс я. Хозяин Луны взглянул на меня одним глазом:

– Тогда оставьте, – легко согласился демон, – одним словом, я хотел вас пригласить насладиться этим видом. Пропустить его через себя. Вдохновиться, если хотите. Потому что наш дальнейший путь лежит именно через Паровые Долины. Которые, хотя и совершенно прекрасны (особенно своим внутренним устройством), таят в себе некоторое количество неудобств для случайных путников. А именно: пар, прорывающийся на поверхность из-под земли, может сделать это в любом месте совершенно неожиданно. При других обстоятельствах, точнее, при ясном небе, я мог бы с помощью низких звёзд примерно предположить, какие именно места опасны, а которые нет. Но, сейчас, как верно заметила молодая госпожа (она умница!), пыль укрывает от нас небо. Поэтому я не вижу поверхность мира так ясно, как следует. Но меня это не слишком волнует, у меня бесконечное количество тел – я могу умирать, сколько мне захочется. Умирать, умирать и умирать. Вам не так удобно. Особенно учитывая ваш груз, технические характеристики машины, прочее, прочее. Но всё равно – я обещал вам воду – вот она. Остаётся только спуститься вниз, но тут не высоко, метров пять-семь.

Я взглянул вниз и отметил его ошибку: спуститься именно здесь мы не могли: ботинки и оборудование с помощью машины тел вниз никак не спустить. Однако нам надлежало двигаться по границе Паровых Долин там, где мы смогли бы конденсировать туман в воду. То есть неизбежно следовало преодолеть обрыв и подойти к границе Паровых Долин вплотную.

Я приготовился отводить машину. Вернуться к изучению карт. Корректировать маршрут. Меня остановил подошедший к нам Сайхмар. Его лицо являло странную смесь сосредоточенности и одухотворённости.

– Дрожь земли – это шёпот поезда.

– Верно! – обрадовался Хозяин Луны, отдав Сайхмару знак похвалы, – я и не думал, что это выражение до сих пор в ходу! Этот красавчик дело говорит! Вот, однорукий, смотри вон туда!

Я обратил всё своё внимание по направлению, которое он указывал. Там, внизу, словно воплощаясь из утреннего тумана и жидкой зари, появлялся прямой луч прожектора. К нам двигался поезд.

– Это один из поездов-призраков, запертых на довоенных путях из-за смещения почв при терраформировании. Он кружит здесь много сотен лет. Его камень забыл, кто он, откуда и какова его цель. Туманы обеспечивают бесконечное пополнение запасов воды, запирают его в не-смерти, но жизнь его закончена давным-давно. Он есть лишь движение и ничего более. Железнодорожный путь проложен вдоль Паровых Долин. Сейчас он движется в другую сторону от Низкого Ветра, но ветка кольцевая. В итоге, пройденное расстояние будет, конечно, больше, но если ты сделаешь его с ветерком, то не только сэкономишь время, но и не станешь подвергать опасности свой драгоценный груз. Этот поезд – настоящая цитадель на колёсах!

Я смотрел на то, как появляется из тумана, словно из-под завесы ласковых механических крыл, нос поезда. Родом из умершего мира. Он снова воплощался из невесомого дыхания утра. Он нёс неприкаянные души в вечную темноту Лабиринта...

– Ну! – прикрикнул на нас Хозяин Луны, – что вы смотрите на него?! Ловите!

Глава 3. Поезд

I

Высота обрыва составляла девять целых три десятых метра. Нам удалось это выяснить уже в ходе решения проблемы со спуском. Как нам показалось, мы создали относительно безопасный способ оказаться внизу, используя при этом четыре выбранных нами тела, из которых выстроили живую верёвку. Четвёртым в этой конструкции держался я. Мы ошиблись с выбором. Мне пришлось прыгать.

Положительной стороной использования неживых тел в «живых» верёвках или башнях состоит в том, что умением выполнять акробатические трюки должны владеть не те, кто их исполняет. Вместо того, чтобы учить делать столь сложные вещи четверых механоидов, нужно обучить одного. Пятого. Оператора. В нашем случае – Сайхмара.

Сгорбившись над обрывом, он внимательно наблюдал за тем, как я опускался вниз. Я доверял ему. Но полный контроль над собой не дал. Не смог. Хотя это во многом бы меня обезопасило. Поэтому Инва стояла рядом. Страхovala. В её взгляде легко читалось летящее спокойствие. Она пока не вступала в работу. Она ждала, когда это потребуется. И вступив, она станет танцевать. На этот раз – мной.

Выполнить спуск без помощи обеих рук я не мог. Поэтому я вынуждено нарушил процесс восстановления плечевого сустава. Однако родная механика не подводила меня. Работала, как следует. Даже чуть легче прежнего.

Возведённая нами конструкция имела существенные недостатки. В целях безопасности, следовало, чтобы нижнее тело стояло на почве. Правильно распределяло вес. Но времени на то, чтобы спустить вниз дополнительный труп у нас не хватало. Поезд приближался слишком быстро.

Если пристально смотреть на то, как он возникал из летучей взвеси невесомых капель воды, то могло показаться, что это сам туман – ему кузнец и мастер. Прожектор, словно нож, сотканный из потустороннего света, резал утреннюю дымку над рельсами. Воздух, прямо как в поговорке Сайхмара, действительно дрожал. Земля действительно вибрировала. Приближающийся состав поражал воображение своей тяжестью. Даже повернувшись к нему спиной, я понимал, что это – грузовой поезд. Необычайной длины.

Один из таких, которые сейчас ещё невозможно сделать снова.

Пока я спускался вниз, ступая на плечи тел подо мной, поезд налетел. Воздух ударил мне в бок и спину. Воздух – как неумолимая волна из стали и движения. Мне не верилось, что гигант, надвигающийся на меня словно неумолимая длань судьбы – мёртв.

Локомотив пронёсся вслед за воздушной волной, которую поднял. Мой мир заполнился до краёв грохотом его тяжелых колёс по сверхпрочным рельсам. На какую-то секунду я понял, что потерял контроль над собой. Забыл дышать. Всё моё естество сосредоточилось лишь на том, чтобы чувствовать его – быстрого, неумолимого. Казавшегося мне бесконечным.

Я сорвался. Пролетел, должно быть, около двух метров. Приземлился на ноги, но не удержался. Упал на спину. Голову сберег. Назад меня вздернуло тело, которое держалось в цепочке третьим. Труп сухого и высокого, жилистого парня. Прирожденного бегуна.

Это вступила в работу Инва.

Не теряя времени, мы поспешили к поезду. Казавшиеся бесконечными вагоны состава тяжелой вереницей пробегали мимо. Шум, который они поднимали, тяжело давил на грудную клетку. Заливался в уши. Душу. Заменял собой мою собственную волю.

В сопровождении трупа, который вела Инва, я помчался вдоль поезда. Мне следовало зацепиться за любой вагон и проникнуть в состав. Пробравшись внутрь – добраться до локомотива, который сейчас уже потерялся в тумане, и остановить его, обрубив связь камней и двигателя.

Согласно первоначальному плану, наибольший риск ложился на сопровождавший меня труп. Именно ему предстояло забраться в поезд первым. Далее – помочь мне.

Одинаковые черные вагоны поезда, казалось, могли предоставить возможность попытаться сделать это снова и снова: таким длинным казался состав. Однако приблизившись, я понял, что мы поддались обманчивому впечатлению. Стремительнодвигающаяся вперёд стальная стена, выросшая передо мной, выглядела совершенно неприступной. С холодных черных боков стекла, будучи не в силах на них закрепиться, даже свет и туман.

Неотличимые друг от друга, тяжело груженные вагоны на проверку оказались совершенно обтекаемы. Не наблюдалось ни скоб, ни лестниц, за которые можно зацепиться. Более того, я заметил мелких големов, всё ещё снующих туда и сюда по составу. Они очищали вагоны от грязи. И от непрошенных гостей. Я изучал литературу о поездах старого мира. Вагоны, перевозящие наиболее ценный груз, шли в команде с целой россыпью мелких охранников. В их полномочия входила нейтрализация лиц, не имеющих права доступа к вагону.

Я обернулся для того, чтобы посмотреть назад. Встретился взглядом с Инвой и Сайхмаром. Последний спускал груз по живой лестнице вниз. Действовал не оптимально. Поспешно. Уже оказавшиеся внизу трупы просто бежали вперёд по направлению движения поезда. Сайхмар пускал их на легкой перчатке, то есть – без особенного контроля. Для такого поведения требовались веские причины. Неприятное ощущение скользнуло в моём сознании. Отозвалось жестокой уверенностью: беда. Я перевёл взгляд на тело, стоявшее рядом со мной.

Труп повернул ко мне голову. На его лице промелькнуло выражение. Грубая мимика мёртвых лицевых мышц. Послание от Инвы. Их выследили и напали. Бегуны не желали оставлять свидетелей. Этот поезд – наш единственный шанс добраться до Низкого Ветра.

Не раздумывая далее, я помчался вдоль состава со всех ног. Труп начал разгоняться рядом со мной. В режиме испытаний мы тренировали сходные действия. В поле не применяли никогда. Я присоединился к ликровому клапану тела. Позволил Инве подстраховывать меня. Выдохнул. Сосредоточился на своей плоти. Поймал общий ритм движений с трупом. С поездом. Движения разных мёртвых существ стали для меня единой кинетикой.

Я прыгнул вперёд и вбок, в пируэте оттолкнувшись подошвами сапог от вагона, и оказался на земле. Провернулся несколько раз, прежде, чем остановиться. Плечо снова вылетело из сустава.

Труп начал набирать скорость бега. Бросил меня. Инва накинула ему на плечи тело невысокой светлой женщины. Попыталась перепрыгнуть ею на крышу вагона. Неудачно. Застрявшая между вагонов плоть не замедлила движения поезда, даже когда упала ему под колёса.

Я поднялся. Я побежал вперёд. Меня обогнал хвост поезда.

Истекали последние секунды наших попыток спастись на нём. Я проводил последний вагон взглядом в надежде на то, что он более приспособлен для того, чтобы подняться, то тщетно. Я прибавил скорости. Выложился так, как только мог, и на какую-то минуту нагнал состав.

Повторил ранее неудачный пируэт. Теперь я оказался на плечах сухопарого тела. Очень скоро труп сравнялся по скорости с поездом. Мы оба стремительно удалялись от Инвы, испытывая степень её контроля. Теперь мне предстояло перепрыгнуть наверх поезда. Прыжок такой сложности самостоятельно я совершить не мог. Особенно после того, как я увидел, что произойдет в случае ошибки. Мне следовало довериться Инве, которая только что не справилась в аналогичной ситуации. Но иными возможностями спастись от бегунов и достигнуть цели мы

не располагали. Всё хорошо. Хорошо. Настал момент истины. Мы не имели права на ошибку. Нового шанса нам никогда не представится.

Два удара сердца. Я принял контроль над мужским телом под моими ногами. Инва – надо мной. Она оттолкнулась, и прыгнула мною вбок. Время растянулось под действием страха. Моя личность исчезла. Я бежал, истирая в кровь ноги рядом с поездом. На скользкий черный вагон, влекомый вперёд локомотивом-призраком, летел сейчас кто-то другой.

И этот кто-то полностью полагался на чужую волю. Он совершенно расслабился, доверяя себя иному сознанию. Мы с Инвой представляли собой одно единое существо. Которое одновременно сосредоточилось так крепко, как держали друг друга огромные вагоны, и расслабилось так полно, как безмятежна вода, отдавшая себя на волю холодного ветра. Предстоящий нам прыжок – это всего лишь математика. Тела. И Инва отлично его рассчитала.

Я приземлился на верх вагона. По центру чёрной металлической крыши. На наше счастье здесь обнаружилась сетчатая металлическая дорожка, невидимая наблюдателю снизу. И даже более того, крыша вагона оказалась оборудована для постоянного пребывания одного механоида. Видимо, охранника. Значит, по верху я мог бы добраться до локомотива.

Мелкие големы-санитары устремились ко мне. Вполне возможно, они имели право убивать. В случае, если они обладают этим правом и воспользуются им, моё тело ещё могло бы выполнять работу, пока поезд не вывезет его из зоны контроля Инвы. Но в любом случае мне надлежало приложить все усилия для того, чтобы войти в контакт с сердцем поезда и дать ему понять, что я – свой. Если мне это не удастся, мы, даже в случае успешной остановки состава, окажемся обречены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.